

ВЛАСТИМИЛ ПЕТРЖЕЛА

ОДНАЖДЫ В РОССИИ,
или Z ČESKU – Z LASKOU

Властимил Петржела

**Однажды в России,
или Z cesku – z laskou**

Петржела В.

Однажды в России, или Z cesku – z laskou / В. Петржела —

Эта книга – не журналистское расследование. Не попытка непременно открыть все факты, будь темные или светлые, связанные с самым ярким периодом «Зенита» в его новейшей истории. Не плод старания подтвердить эксклюзивность трехлетнего периода, прожитого клубом с 2003-го по 2006-й год. Просто масса любопытных, неизвестных широкой общественности вещей, когда идут серьезные разборки, тонут в потоке препирательств на уровне «дурак – сам дурак». Почему-то когда эти бесспорно красивые страницы в истории «Зенита» были перевернуты, о тех, кто эту часть истории создавал стало принято говорить в уничижительных тонах. Опять же, не собираемся никому затыкать рот. Но и сами молчать не хотим – хотим рассказать, как первый иностранный тренер в российском футболе Властимил Петржела жил и работал эти годы в стране, которую его родная Чехия лишь недавно начала воспринимать, как нейтральную по отношению к себе. О том, как он принимал, возможно, самые тяжелые правила игры в своей карьере, и играл по ним, избежав соблазна после первых же неудач махнуть на все рукой и сбежать в теплый уютный домик в центре Европы. Эта книга – о раритетном человеке, которых, быть может, осталось не так много в этом мире. О Петржеле говорили – таких либо любят, либо ненавидят.

Содержание

ОДНАЖДЫ В РОССИИ, ИЛИ Z CESKU – Z LASKOU	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Властимил Петржела

Однажды в России, или Z cesku – z laskou

Вроде все, как вчера...

Эта книга – не журналистское расследование. Не попытка непременно открыть все факты, будь темные или светлые, связанные с самым ярким периодом «Зенита» в его новейшей истории. Не плод старания подтвердить эксклюзивность трехлетнего периода, прожитого клубом с 2003-го по 2006-й год. Просто масса любопытных, неизвестных широкой общественности вещей, когда идут серьезные разборки, тонут в потоке препирательств на уровне «дурак – сам дурак». Почему-то когда эти бесспорно красивые страницы в истории «Зенита» были перевернуты, о тех, кто эту часть истории создавал стало принято говорить в уничижительных тонах. Опять же, не собираемся никому затыкать рот. Но и сами молчать не хотим – хотим рассказать, как первый иностранный тренер в российском футболе Властимил Петржела жил и работал эти годы в стране, которую его родная Чехия лишь недавно начала воспринимать, как нейтральную по отношению к себе. О том, как он принимал, возможно, самые тяжелые правила игры в своей карьере, и играл по ним, избежав соблазна после первых же неудач махнуть на все рукой и сбежать в теплый уютный домик в центре Европы. Эта книга – о раритетном человеке, которых, быть может, осталось не так много в этом мире. О Петржеле говорили – таких либо любят, либо ненавидят.

ОДНАЖДЫ В РОССИИ, ИЛИ Z CESKU – Z LASKOU

Так вот книга-попытка доказать, что ненавидят те, кто не знает. Не знает, что значит оставаться человеком, имея столь тяжелую и противоречивую профессию, как футбольный тренер, сохранять мотивацию в жизни, когда все обращено против тебя; не бояться говорить «нет», когда девяносто девять человек из ста скажут «да»; не молчать, когда те же девяносто девять обязательно закроют рот на замок; наконец, легко относиться к деньгам, и серьезно к по-настоящему близким людям. Очень хотелось бы думать, что книгу прочтут и те, кто не слишком погружены в футбол. Ведь мы, одержимые этой игрой (говорю и про себя в том числе) в яростном обсуждении проблем наших любимых команд, цен, трансферов и прочей текучке часто игнорируем сам смысл футбола, то, из-за чего мы и напрягаем себя тоннами дополнительной информации – прежде всего, мы любим шоу, которое несет в себе футбол. Властимил его давал, и потому радовал людей, которые умеют относиться к жизни, как и он сам – легко.

Книги о тренерах, наверное, должны начинаться и заканчиваться с одного и того же – с аэропорта. Они – кочевники, постоянно на чемоданах, в состоянии стресса. И горе тем из них, кто вздумает полюбить свое место работы не из профессиональной солидарности, а по-настоящему, всеми клетками организма...

Итак, аэропорт. «Пулково-2». 18 мая 2006 года. Рейс из Праги, название которого я давным-давно знаю наизусть, как и знаю то, что он практически всегда опаздывает в среднем минут на 40. В Петербург снова прилетает Властимил Петржела. Но прилетает не так, как раньше. Как у Высоцкого: «Вроде, все как вчера...». Он больше – не тренер «Зенита». Едет в город с частным визитом, в программе – посещение матча команды, которую не может, да и не пытается выкинуть из сердца. Несмотря на то, что информация о приезде Власты держится в полусекрете, в зале прилета ждет несколько журналистов...

Петржела с женой Зузаной появляются. За 2 месяца отсутствия, с тех пор, как Властимила пришлось в ускоренном режиме покинуть Петербург, тренер постарел, погас. Ощущение такое, как будто мощный реактор спрятали глубоко-глубоко под землю и забыли остановить его работу.

Пресса несколько оживляет тренера, но веселее он не становится, и как мы, его друзья, ни пытаемся развлечь его, все равно думает о чем-то своем. По привычке говорит: «Поехали, нам пробиваться через весь город по пробкам». Словно забывает о том, что едем мы не на тренировочную базу в Удельном парке, а в отель «Астория», а до него путь в два раза короче.

Вроде все, как вчера...

Вечером мы едем в любимый японский ресторан Петржелы. И он вслух, пережевывая любимый горячий ролл с крабом, ловит себя на мысли, что не привык находиться в Питере в качестве гостя. Словно доказывая это самому себе, за 20 минут до этого он без проблем находит обменный пункт, прячущийся за ларьками в самом оживленном месте, у метро. Несмотря на то, что в «Зените» давно другой тренер, Властимила узнают и пропускают без очереди в отдельную комнатку. То же самое в ресторане, где, кажется, долго не верят в том, что перед ними не призрак – гостю Петербурга обеспечено обслуживание по высшему разряду.

На стадионе на следующий день ситуация несколько другая. Пресс-служба «Зенита», его бывшего клуба, почему-то не рада визиту бывшего тренера – как бывший сотрудник клуба, почему-то уверен, что утром перед игрой теме приезда Властимила была посвящена целая «летучка». Приглашения на игры, что в порядке вещей в Европе, тренер не дождался, а потому вынужден был решать вопрос с билетами через друзей. Решил, и сел среди болельщиков без каких-либо смешанных чувств...

Кержаков мчался с мячом один на всю оборону ЦСКА. Рев зрителей нарастал, и стадион, казалось, должен был вот-вот рухнуть под натиском этой сумасшедшей энергии. Взрыва, впро-

чем, не произошло – защитники в последний момент накрыли удар форварда, раздался разочарованный гул, и на какие-то мгновения стало тихо...

– Черт, Сашке надо было вправо попробовать уйти, – с нескрываемой досадой говорит Петржела, прикрывая рукой глаза от солнца.

Кроме успеха сине-бело-голубых футболок его ничто в этот момент не интересует. Как и то, что тренирует эту команду не он. С тем же Кержаковым было столько прожито. Когда-то он был подростком, склонным к звездной болезни, потом на глазах стал превращаться в серьезного парня, который знает себе цену, не сильно заботится о том, что о нем думают окружающие, но показавшему, что он умеет работать над собой. Теперь этот совсем другой Керж, тихий, холодный, серьезный в жизни, но более циничный и эффективный на поле, пытается забить ЦСКА, и в это же время мечтает уехать в «Севилью», чтобы расти и совершенствоваться. Как за него не переживать?

С финальным свистком у охранников в секторе 9 начинаются проблемы. Зрители вовсе не собираются расходиться, а слетаются к двум рядовым пластиковым креслам, где расположилась чета Петржеловых. Автографы, фото, пожелания – 10 минут абсолютно бесконтрольного общения, которое все-таки вынужден был прервать доблестный гвардеец, который, не выдержав, начал чуть ли не взащей выгонять людей. Вечером, глядя из окна «Астории» на Исаакиевскую площадь, Петржела голосом, полным гремучей смеси умиротворения и скрытой боли, говорит жене:

– Славно съездили, да, Зузи? Давай вернемся еще...

Часть первая

Глава 1

Сразу же признаюсь вам: о «Зените» я раньше ничего не слышал. И когда получил приглашение возглавить этот клуб, был близок к шоковому состоянию. К тому же Петербург-это Россия, а Россия в Чехии всегда считалась после известных событий неизведанной и враждебной страной, которой большинство моих соотечественников предпочитало избегать. Впрочем, я к этому большинству, как человек в целом аполитичный, не принадлежал. И когда пришел в себя после неожиданной информации, сразу же решил, что непременно должен попробовать хотя бы для начала один раз съездить в Россию и лично поговорить с заинтересованными во мне людьми.

Мое знакомство со страной, хоть и растянулось на два этапа, но довольно быстро привело к тому, что место работы я сменил. Не могу сказать, что работа в «Млада Болеслав», клубе второй чешской лиги, меня радовала. Да, построили новый стадион. Да, спонсоры готовы были платить деньги для выхода в высшую лигу. Но что-то во мне постоянно пульсировало, не давало спокойно жить, пусть я и был, как у Христа за пазухой. От дома до места работы я долетал на машине за полчаса – город «Шкоды» находится как раз между Прагой и моим Либерцем. Однако чешский футбол разочаровал меня. Чтобы преуспевать в нем, чувствовать себя спокойно, нужно подхалимничать, плясать под дудку агентов, участвовать в различных коллективных играх, как правило, нечестного характера. И, что самое главное – молчать, как рыба, ни с кем не спорить и не ссориться. А вот этого я никогда делать не умел. Сколько себя помнил, всегда шел в драку, не выносил над собой давления, даже со стороны собственного клубного руководства. До сих пор считаю, что мне удалось практически на ровном месте создать конкурентоспособный «Богемиянс» лишь потому, что я в своем лице объединял сразу две роли-главного тренера и спортивного директора. Когда же со мной в «Спарте» в 1996-м году словацкие хозяева хотели поставить себя, как с наемным рабочим, я тут же встал в позу и откланялся. Забегая вперед, скажу, что за годы работы в «Зените» мне не раз пришлось сталкиваться с проблемами, порождаемыми собственным характером...

Когда позвонил агент Павел Зика, известный в Чехии футбольный функционер, и сообщил, что нужно срочно вылететь в Москву на переговоры в компании с неизвестным мне до того момента парнем по имени-фамилии Виктор Коларж, я сначала не поверил: «Не шути со мной. Уже вечер, я хочу отдыхать, а не заниматься глупостями». Но Зика не шутил. Спустя два дня я сидел в самолете и фактически инкогнито летел в Москву, которую до этого в последний раз видел еще в начале 80-х.

Там, на встрече, Виталий Мутко (кроме него еще были Зика, Коларж и русский агент Константин Сарсания, сейчас работающий спортивным директором в «Зените») нынешний президент Российского футбольного Союза, а тогда президент «Зенита» сказал мне, что ему нужен тренер, умеющий работать с молодыми футболистами. Мол, он долго собирал обо мне информацию и понял, что такому тренеру, как мне не нужны готовые футболисты, которые стоят огромных денег, что я способен сделать команду практически из ничего, и что именно таким критерием он руководствовался при выборе тренера для «Зенита», который упал в 2002-м году в глубокую яму. Мутко, который произвел на меня с самого начала впечатление симпатичного интеллигентного человека, также поведал, что он делал еще до того, как стало известно обо мне, предложение тогдашнему тренеру сборной Латвии Александру Старкову, тот очень долго думал, но в последний момент все-таки решил остаться в национальной сборной Латвии, которая на тот момент имела шансы выйти на чемпионат Европы 2004-го года в Португа-

лии. Интересно, кстати, сложилась дальнейшая судьба моего латышского конкурента. Латвия действительно вышла на чемпионат Европы, чем произвела фурор в Европе, а сам Старков получил приглашение из «Спартака», элитного клуба российской премьер-лиги. Полагаю, что теперь Александр узнал, что такое быть тренером именно элитного клуба, получил об этом исчерпывающую информацию, которая в течение двух лет падала на него тяжелыми глыбами. Свою задачу в первый же сезон он выполнил, вывел команду в Лигу чемпионов, но в итоге лишился работы и даже спасибо ему толком никто не сказал. Старков был чужаком, и это вышло ему боком.

Впрочем, это я уже о будущем...

– Об этом мне можете даже не говорить, – сказал я тогда Мутко – Мне все равно, вели вы переговоры со Старковым, или с Бышовцем. У меня есть желание поработать в «Зените» и больше меня ничего не волнует.

На самом деле перед вылетом в Россию меня кое-что все-таки волновало. Например, как быстро я смогу вспомнить те азы русского языка, которые в меня заложили еще в школе. На счастье, Виталий говорил четко, ясно и с пониманием проблем не возникло. На Мутко мои слова, видимо, произвели впечатление. Уже спустя 10 дней я прилетел в Петербург на Совет директоров и, так получилось, сразу подписал контракт. В Питер я взял с собой жену Зузану, чтобы она со своей чисто женской интуицией осмотрелась кругом и посоветовала мне, имеет ли смысл ввязываться эту авантюру (поймите меня, на тот момент все именно так и выглядело!). Кроме того, мне страшно не терпелось посмотреть условия, в которых мне предлагалось работать.

Впечатление от моего первого в жизни питерского дня оказалось весьма неплохим, пусть мы оба с Зузаной невероятно устали. Во-первых, сюрпризом для меня стало абсолютно иное понимание русского слова «база», которое в Чехии люди всегда воспринимали с легким содроганием. В голове у них сразу всплывало или что-то военное, либо нечто заброшенное и ветхое, где спортсмены вынуждены жить без горячей воды и лежать на железных койках. Ничего подобного в Питере я не обнаружил – в Удельной мне показали довольно приличное поле, да и само здание базы даже до ремонта, который тогда только начинался, находилось в неплохом состоянии.

Александр Поваренкин (заместитель гендиректора клуба «Зенит» прим. авт.), который проводил для меня эту экскурсию, обещал, что здесь очень скоро все доведут до ума и тогда мне будет абсолютно не о чем беспокоиться.

Затем нам предстояло увидеть своими глазами стадион, тот самый футбольный храм, при виде которого у истинного тренера всегда замирает сердце. Жена говорит, что у меня нездоровый интерес к футбольным аренам самой разной величины – куда бы я не приехал, везде ищу их глазами из окна такси. Правда, такая же мания есть и у нее самой, только в отношении фитнес-центров. Не успела Зузана в первый раз приехать ко мне, как уже за неделю обнаружила в Петербурге пять или шесть «фитек», как называют их у нас, в Чехии.

Но вернемся к делу. «Петровский» мне на первый взгляд не очень понравился. Было холодно, арена продувалась ледяным ветром, а трибуны были пусты и, что больше всего меня удивило, совсем без козырьков! К тому же вокруг поля шли беговые дорожки, а мне ранее не приходилось работать на таких аренах. Это потом я понял, что во время матчей «Петровский» способен преобразиться до неузнаваемости и довольно быстро полюбил его, а пока я смотрел на оранжево-желтые трибуны (и почему они там такие?!) и даже не предполагал, сколько всего придется сделать и пережить до своего первого зенитовского официального матча. Со стадиона мы отправились в офис клуба, где Виталий представил меня Давиду Трактовенко, главному акционеру. Быстро пролетели по кабинетам, мне объяснили для чего нужен тот, или иной отдел. А потом началось самое главное. Здание Промстройбанка, который как раз представлял Давид, находится недалеко от клуба и именно там я поставил свою подпись под контрактом.

Перед этим прошел Совет директоров, куда пригласили и меня. Была уйма разных акционеров, которые устроили мне настоящий допрос, а я старался отвечать на их вопросы по-русски, отчаянно вспоминая всю школьную программу.

Итогом «артобстрела» стал прямой вопрос одного из них – хватит ли у меня смелости возглавить столь непростую команду, как «Зенит». «Еще бы у меня не хватило смелости!» – мелькнула мысль перед тем, как я уверенно сказал «да». Амбиции сделали свое дело. Все сомнения, вопросы, недосказанности – все отошло на второй план после этой фразы акционера, как будто бы меня взяли «на слабо». «Зенит», как я уже говорил, мне был до ноября 2002 года абсолютно неизвестен, и прежде всего потому, что эта команда на европейской арене появлялась нечасто. Я никогда не боялся огромных объемов работы и все свои клубы поднимал «с нуля». В Питере в тот момент мне и в голову не могло прийти, что здесь также придется сворачивать на пути к успеху уйму валунов и перепахивать поле заново. Зато я видел впереди возможность участвовать в Лиге чемпионов, соревновании, несущем в себе высший смысл для любого уважающего себя тренера.

Когда-то у меня появилась бы прекрасная возможность участвовать в этом ярком турнире, но именно тогда, когда я получил приглашение от «Спарты» осенью 1995 года у президента клуба Маха закончились деньги. А вскоре пражан выкупили новые владельцы, с которыми у меня отношения изначально не сложились. В результате, я проработал со «Спартой» всего полгода, после чего ушел. Потом была долгая и кропотливая работа с «Богемиянс», практически без денег, без ресурсов. Мы многого добились, но жажда большого футбола никогда не отпускала меня, а когда моя работа с «клоканами» (по-чешски «кенгуру», символ ныне не существующего клуба «Богемиянс» – прим. авт.) закончилась и я перешел во вторую лигу, в «Младу Болеслав», она только усилилась. Вот почему я сказал свое «да» без малейших раздумий. После этого мне разрешили подышать свежим воздухом, а примерно через полчаса пригласили обратно и сообщили, что только что я стал новым главным тренером «Зенита». Не успел я опомниться, как тут же пришло первое серьезное испытание. По местным обычаям необходимо было «подкрепить» соглашение рюмкой спиртного. Я очень давно не беру в рот алкоголь и хотел отказаться, но мне довольно жестко сказали: «Так надо!». Надо, так надо. Вот только я почувствовал себя так, как будто через минуту умру. Пот катился градом, в голове стучало. Потом Давид Трактовенко мне признался: знай он, как на меня подействует алкоголь, мне бы разрешили пренебречь традицией.

* * *

Некоторые вещи меня все-таки настораживали. Почему команда так резко упала после успешного «бронзового» сезона? Почему на одной из последних игр сезона 2002 на стадионе было всего 12 тысяч болельщиков, если о популярности клуба мне с самого начала стал рассказывать каждый встречный? Кроме того, у меня у самого существовала проблема – ведь я на тот момент оставался главным тренером «Млада Болеслав». А это означало, что с этим клубом предстоит разрывать контракт. Я был уверен, что его генеральный директор Шетрле меня просто так не отпустит и мысленно уже готовился выплачивать неустойку. Зная людей, которые руководили «Младой», в том, что она будет большой, сомневаться не приходилось. Агенты Зика и Коларж, впрочем, были весьма заинтересованы в моем переходе в «Зенит», а потому поспешили меня заверить, что проблему с «Младой» они решат. И я страстно желал, чтобы они это сделали. За ценой бы не постоял.

На обратном пути в самолете жена, которая заметно погрузилась – ей очень не хотелось со мной расставаться на такой долгий срок, ведь мы всегда были вместе – спросила меня: «Стоит ли твоя командировка в Россию того? Компенсируется ли то, что я тебя теряю хотя бы материально?». Я в ответ только усмехнулся – откуда же я мог знать! Ведь сам контракт, который мне

предложили на Совете директоров, я подмахнул, не читая. Думал в первую очередь о работе, и ни о чем другом. В любом случае, тратить кучу времени на то, чтобы разбирать русские слова и специальную терминологию в контракте мне не хотелось. Некоторое время спустя, конечно, я ознакомился с его условиями. Предложение было достаточно среднее, особенно, если сравнивать с тем, что получали в «Зените» футболисты. Впрочем, меня это, повторю, не сильно волновало – желание работать зашкаливало за все разумные пределы. Сам себе удивлялся – вроде бы почти 20 лет работал без передышки, а все равно без футбола, борьбы, нервов и бессонных ночей чувствовал себя неуютно, каким-то неприкаянным.

Мы вернулись домой и почти сразу обо всем проведали журналисты. В Чехии, надо сказать, они гораздо злее чем российские. Все время норовят уколоть, поддеть, а зачастую откровенно «убивают» кого-то на заказ. Правда при этом в футболе, надо отдать им должное, подкованы лучше. Так вот, им я отвечал одно: «Контракт я не подписал, только предварительное соглашение о намерениях». По большому счету, я не имел права заключать соглашение с другим клубом, при действующем договоре с «Младой Болеслав» и еще не знал, отпустит меня его руководство, или нет. Но когда я, вернувшись из Петербурга, отправился со своей командой на последний выездной матч первого круга в Долни Коунице, понял, что ни о чем, кроме как о «Зените» думать не могу. На моих глазах соперники месили грязь на ужасном поле, размытом дождем, а у меня в мозгу была картинка с видео матча на переполненном «Петровском» – Мутко надавал мне с собой кучу кассет с 2001, «бронзового» года.

Вскоре произошло то, чего я и ожидал. Меня заговорщицким тоном пригласил на чашку кофе Шетрле и у него в кабинете они со спортивным директором Куделой бесцветными головами назвали суммы денег, которые я должен буду за свой отход заплатить каждому. Потом я посчитал, что мои доходы в «Зените» изначально практически не превышали той суммы, что я получал в Чехии, учитывая все эти «комиссионные». Но я был уверен в том, что делаю и уже всю горел идеей стать первым чешским тренером (да что там чешским – иностранным!), который проявит себя в России. Двух коротких визитов в эту страну мне хватило, чтобы понять, что здесь можно жить, причем, возможно, роскошнее, чем в Чехии. Смешно слушать, как кто-то у меня на родине до сих пор спрашивает: «это правда, что люди в России живут в землянках?». Бред полный!

* * *

В конце концов, настал день 14 декабря. Я должен был вылететь в Петербург, чтобы приступить к работе на новом месте. Жена, заливаясь слезами и пребывая в различных страхах, сомнениях и тревогах, собрала мне вещи. Я терпеть не могу женские слезы, но понимал ее: мой дом был завален чемоданами, одеждой и прочей ерундой и было впечатление, что я съезжаю куда-то насовсем. Сумки еле закрылись, утрамбовывали их мы с Зузой чуть ли не ногами. Знал бы я, как настрадаюсь потом со всеми этими костюмами, пиджаками, рубашками! Потом была полуторачасовая дорога в аэропорт, и мне хотелось, чтобы машина летела еще быстрее. Питер занял все мои мысли задолго до того, как мы с помощником Владимиром Боровичкой сошли с трапа «Боинга» не в качестве гостей, а как полноправные жители этого уникального города.

Прилетели мы уже под вечер, когда было темно. По дороге из аэропорта, где нас встретили начальник команды Юра Гусаков и переводчик Иван, Бора (здесь и далее – Владимир Боровичка – прим. авт.) не переставал удивляться, насколько Петербург большой город. Ему из своих Пругониц до пражского аэропорта ехать около 40 минут, а тут мы столько же времени потратили.

Только на полпути к гостинице. Причем, после тяжелого дня покой нам только снился. Ребята завезли нас в маленький, но очень уютный отель на красивой набережной канала, однако у меня времени было лишь на то, чтобы переодеться и чуть-чуть передохнуть.

Со слова «чуть-чуть» Властимил, по сути, начал открывать для себя Россию. Оно стало одним из первых русских слов, запавших Властимилу в душу. Его звучание забавляло чеха и примерно на второй день пребывания в России он не выдержал и спросил:

– Вы все говорите «чуть-чуть». Что это значит?

Услышав ответ «немного, немножко», Властимил удивился, что потешное на его взгляд «чуть-чуть» имеет столь серьезное значение. И с удовольствием стал употреблять его при удобном случае. Например, когда шел с утра открывать дверь. После звонка из тишины сначала доносились его шаги, а потом предупреждающее «чуть-чуть», что означало, видимо, «минутку, сейчас открою».

Стоило мне открыть чемодан, как вещи из него едва не выбросило взрывной волной. Их было так много, как будто я ехал в Петербург открывать собственный бутик, а не работать с футбольной командой. В эти минуты я проклял едва ли не все на свете – весь мой гардероб категорически не хотел влезать в относительно небольшой гостиничный шкафчик. Точно так же, как за полсуток до этого отказывался помещаться в чемодане – чтобы утробовать вещи мы с женой разве что не садились на чертов кофр. Еще бы! Она-то думала, что собирает меня на войну.

Содрогнувшись при мысли, что все это надо разбирать прямо сейчас, я чуть ли не пулей вылетел в корридор отдышаться. Иван с Юрой еще не уехали, последний должен был везти меня на встречу с президентом. Мутко хотел, чтобы мы с ним встретились тет-а-тет и пригласил на ужин. Мне же в свою очередь трудно было удержаться от расспросов о моей команде в первый же день. Тем более, что Гусаков – начальник команды, а я всегда ценил мнение людей, находящихся внутри событий. Они единственные, кто способны рассказать всю правду, или хотя бы 90-процентную правду, дать информацию, максимально приближенную к истине. Особенно это становится заметно когда происходит перемена власти. И именно поэтому, услышав ответ на свой первый вопрос, «Сколько позиций нужно усиливать в межсезонье?», я едва не начал хвататься за стенки, чтобы не упасть. Юра коротко в своей неэмоциональной манере словно выстрелил «с глушителем»: «Практически все!».

Что и говорить, полученная информация шла вразрез с моими представлениями о том, что я имею к диспозиции. До тех пор я видел множество видеокассет, как «Зенит» побеждает при полном стадионе одного соперника за другим. Все они были датированы 2001 годом, когда Питер выиграл третье место. Глядя на игру той команды, я совершенно не понимал, как она могла оказаться через год на десятом месте и при этом удивлялся, что ни одной кассеты с записью игр провального сезона я не получил. Как-то нехорошо удивлялся, хотя и был поначалу настроен видеть на новом месте только хорошее.

Еще на пути из аэропорта поинтересовался, откуда такой замечательный игрок, как светловолосая «восьмерка», которая в бронзовом сезоне «выгрызала» едва ли не каждый метр пространства в середине поля. И меня ждал еще один шок, когда я узнал, что человека по фамилии Горшков в «Зените» больше нет. Буквально через три дня еще один сотрудник команды, администратор Гена Попович, не называя, впрочем, игровых номеров, говорил мне примерно те же самые вещи. Это совершенно другой человек, отличающийся от Гусакова. Простоватый, душа на распашку, полный необузданных эмоций, по большому счету, некая смесь большого ребенка и еще действующего футболиста. Генка закончил с футболом драматически – после бронзового сезона прошел углубленное медобследование и выяснилось, что у него есть серьезный порок сердца, из-за которого при больших нагрузках каждый день может стать последним. Я слишком хорошо знал, что такое закончить с футболом в расцвете сил – сам до сих пор звеню в аэропортах при прохождении металлоискателя железной пластиной в колене. И не мог относиться к Поповичу без доли симпатии.

Стоя в коридоре гостиницы, я слушал Гусакова, который вываливал все новые и новые занятные вещи: «Внутри команды разброд, нужно затягивать гайки, максимально усиливать

состав. За то, что не вылетели, надо благодарить бога за успешный старт, когда «Зенит» шел 4-м.». Слушал и лихорадочно прокручивал в голове всю полученную информацию, складывал весь негатив воедино, чтобы понять сейчас, прямо здесь хоть что-то!

Разумеется, это было невозможно. Поэтому я даже обрадовался, когда Юра, посмотрев на часы, сказал, чтобы я собирался, поскольку Мутко уже ждет в ресторане. Волей-неволей, пришлось вернуться к распухшему чемодану.

* * *

Ехать пришлось недалеко. Мы перемахнули через сказочно красивый мост и были на месте. Ресторан был уютен, кажется, с высокой французской кухней, но эти детали я уже помню смутно. Виталий с супругой встретили меня уже в зале и начался долгий разговор в непринужденной обстановке. Точнее, непринужденно себя чувствовал как раз президент, мне же приходилось невероятно напрягаться, чтобы все его слова безошибочно понимать.

Переводчика не было. Во-первых, в некоторых беседах важна конфиденциальность, во-вторых, Мутко хотел, чтобы я как можно скорее выучил русский язык. Здесь, надо сказать, наши желания совпадали – единственной вещи, которой я до сих пор не мог себе представить, было то, как я буду со стопроцентной точностью доносить свои указания до ушей, а главное сознания игроков.

Говорит президент долго, складно, с почти что революционным напором. Его слова ложились плавно, но в то же время уверенно. Он оболакивал меня непоколебимой верой в свою команду и своими переживаниями за ее судьбу в прошлом сезоне, когда радости ни Мутко, ни поклонникам она не доставляла. Что-то упорно не давало мне покоя в этой расслабленной, непринужденной атмосфере. Слишком большой заряд оптимизма, что ли?

«Чудо-богатыри» – как сейчас помню слова президента, адресованные «Зениту». Чудо-богатыри, оказавшиеся, «благодаря» тренерам-раздолбаям на 10-м месте. А Юра? Он-то мне что говорил?

По большому счету, Петржела начал работать над составом еще в коридоре гостиницы, где у него как раз состоялся тот самый знаменитый разговор с Юрием Гусаковым. Разговаривая со мной и начкомом о селекционной работе, он первым делом начал с полузащитника Мичкова, который когда-то считался исключительным талантом, потом уехал из родного «Спортакадемклуба» за границу, а именно в Бельгию, где довольно быстро потерялся. На момент подписания контракта «Зенита» с Петржелой, Мичков обретался где-то в Швейцарии, не сумев до этого пробиться в состав «Рубина». Тем не менее, его кандидатуру «подкинули» Властимилу сразу же, едва он оказался в России. Агенты – люди быстрые и бывает так, что рассчитывают не самых многообещающих своих клиентов протащить куда-либо «на шару». То есть, пока новое руководство только разбирается, что к чему. Ругать за это агентов и обзывать уничижительным советским словом «жучок» нельзя (впрочем, кому сильно хочется – можно, конечно). У каждого свой бизнес, а бизнес в свою очередь довольно жесток и зачастую процветает на чужих ошибках. Может быть когда-то Мичков действительно что-то умел в футболе, но в тот момент у Петржелы, любящего физически крепких и здоровых футболистов, а следовательно, интенсивный футбол, кассеты с записями его игры энтузиазма не вызвали.

– Мичков это трагедия! – характерно отрывисто махнул рукой Петржела. И тут же в развалочку туда-сюда прошелся по узкому коридору, изображая вальяжную манеру игры футболиста. – Только стоит, не бегаешь! (с ударением на второй слог). Властимил уже старался брать быка за рога и разговаривать по-русски во что бы то ни стало – Я таких не любим. Уже знаю, кого хочу пригласить в клуб. Об этом и поговорю с президентом.

Разговор в ресторане подходил к концу, я начинал чувствовать заметную усталость. Все-таки такой поток информации на русском языке вынести даже подготовленному человеку было

не так просто. Мутко словно почувствовал это и свернул беседу буквально за пару минут. Напоследок, впрочем, снова сумев заинтересовать меня, причем весьма серьезно. Причем не только заинтересовать, но и, как бы это помягче выразить. Обеспокоить, что ли.

– Завтра приезжай пораньше в клуб, поговоришь с нашими людьми, которые раньше работали с командой. Рапопортом, Бирюковым, Морозовым. Выслушаешь их мнение, полезно будет.

Произнес это все президент мягким плавающим тоном, но в том, что это было не партнерское предложение, а именно приказ, невозможно было сомневаться. Ничего подобного мне ранее в жизни не приходилось делать.

Меня мало интересовало (да что уж там – не интересовало вообще!) то, чем занимались мои предшественники в предыдущих клубах. Я знал только то, что следует делать именно мне, ни на секунду не отходил от своего плана и собственных наработок, был уверен в собственных силах, и не нуждался в никаких советах. Но при этом находился на чужой территории, вклинился в чужую игру, и мне предстояло выживать в тяжелой и неизведанной среде.

Поэтому я подавил нечто, поднимавшееся пожаром в глубине моего сознания, и, сделав как можно более нейтральное лицо (друзья и жена говорят мне, что у меня это получается особенно удачно), заставил себя кивнуть головой. Дескать, понял, вопросов нет.

Тем временем разговор стал постепенно смягчаться, обретать более отстраненные формы, в чем, надо сказать, немалую роль сыграла супруга Виталия. Под конец ужина я более или менее расслабился, прочувствовал всем телом навалившуюся усталость от перелета, бесконечных разговоров и общего напряжения и, честно говоря, слабо помнил, как мы с Боровичкой добрались до отеля. В этот раз к спиртному я не притронулся, а Мутко и не настаивал.

* * *

Сказать, что работа с первых дней закипела, было бы преувеличением, если считать тренерской работой тренировки и комплектование команды. Масса беготни (точнее, разъездов с неизменными Иваном и Володей), знакомств, информации, которой я был буквально перегружен. В первый же день меня ждал тот самый рекомендованный Мутко допрос, который отнял у меня массу сил, несмотря на то, что в роли допрашиваемого оказался вовсе не я.

Мои предшественники, которые до сих пор числились работниками клуба, начали вводить меня в курс дела. Сначала мне довелось познакомиться с Борисом Рапопортом, тем самым, что управлял командой перед самым моим приходом. Он очень много говорил. Говорил столько, что у меня начала раскалываться голова, едва он начал только перечислять полузащитников. Гулкий голос спортивного директора заполнил все пространство моего организма, я уже не старался понимать каждое отдельно взятое слово, а просто улавливал общий смысл того, что говорил Рапопорт.

В целом вырисовывалась интересная картина: тренер команды, которая не выиграла ни одного матча в осенней части чемпионата расписывал в красках, какие сильные футболисты собраны в «Зените». Почти ни об одном игроке я не услышал плохого слова, что никак не вязалось с теми сказанными полупшепотом словами Гусакова.

Спустя час спортивный директор закончил свою речь. Наступила очередь Юрия Морозова. Как я узнал, этот старый тренер уже тогда довольно тяжело болел, но периодически приезжал в офис клуба, так как числился советником президента. Что означала эта должность, я не знал, и не особо старался в такие вещи вникать. Скажу лишь, что не ожидал услышать от этого человека то, что ожидал услышать. «Никого не слушай, никто тебе здесь помогать не будет. Этот футболист свою карьеру почти закончил. Этот – авантюрист, каких свет не видывал. Полкоманды нужно разгонять и лепить все заново». Морозов говорил спокойно, уверенно. Я видел на кассетах, как «Зенит» под его руководством блестяще играет в сезоне-2001 и у

меня не было оснований ему не верить. Вряд ли, впрочем, от этого было легче. Ведь при большом объеме информации, которая плюс ко всему, еще и противоречива, сложно сразу выбрать методы работы, тем более, если ты еще не знаком с командой. А до первого по-настоящему рабочего дня оставалось еще ой как много времени! Целая неделя...

Изначально я должен был находиться на «боевом посту» рядом с Властимилом во время всех его переговоров с бывшим тренерским штабом. Беседа с Рапопортом протекала в моем присутствии. Петржела почти все понимал, но периодически спрашивал, что означают те или иные слова.

Примерно так же началась и беседа с Юрием Морозовым, но примерно на пятой минуте общения в кабинете как будто бы случайно появился Александр Поваренкин, правая рука Мутко, да и, по удивительному стечению обстоятельств, всех последующих руководителей клуба с различными поправками. Плавнов вписавшись в разговор он, спустя минуту, с доброй улыбкой попросил меня выйти. К тому моменту, впрочем, Морозов успел в моем присутствии пройтись по трем игрокам, которые числились в «старой гвардии» Виталия Леонтьевича. И пройтись, надо сказать, весьма нелестным образом. Надо сказать, что с профессиональной точки зрения я был весьма разозлен-если я переводчик, то почему, собственно, меня просят выйти при исполнении прямых обязанностей. Вспылив, я тогда не нашел ничего лучшего, как... высказать претензии к Поваренкину самому Мутко. Тот неодобрительно покачал головой и пожурил подчиненного в пространство. Вроде, «ай-ай, как же это он так!». Тогда я еще не понимал до конца, лишь догадывался, что президент «Зенита» таким образом вел свою игру. И Поваренкин не просто так вошел в кабинет, когда там появился Морозов...

В тот день со мной разговаривали и другие люди. Кажется, был еще один тренер сезона-2002 – Бирюков. Но по-настоящему крепко в голове засело лишь то, что сказал Морозов. Когда информационный водопад иссяк, я, как это было заведено, отправился в кабинет Мутко на заключительную беседу. Тот поинтересовался, что я почерпнул из разговора с тренерами. И мне пришлось сразу вывалить ему все сомнения по некоторым игрокам, о которых говорил Морозов. Сказать, что Мутко разозлился, значит не сказать ничего. «Зачем ты слушаешь этих неудачников, да этого деда?! Ему уже черт знает сколько лет, с головой не в порядке! Да ты понимаешь, что как только у тебя поправится Игонин, проблем в центре поля не будет никогда! Это же наш парень, питерский, мы его растили и пестовали, болельщики его обожают. А Лепехин чем ему не нравится? Этот же вцепится зубами в соперника, и не отпустит. Ну надо же, зачем ты их всех слушал?!».

Погруженный в собственные мысли и эмоциональную речь президента, я даже не сразу уловил явное противоречие в словах Мутко. То есть, что значит – зачем я их слушал? – ты же сам мне сказал, что это необходимо, что нужно узнать мнение всех, кто работал с командой, кто знает ее изнутри!

Или эти люди должны были сообщить мне то, что хотел слышать МУТКО, а Морозова в этом плане невозможно было контролировать? Что мне оставалось делать в той ситуации? Разве что снова покивать головой, и... моментально принять решение. Тренер, который перед тем, как предпринять какой-то шаг лишь на чье-то мнение, пусть даже это – президент клуба, считайте перешел в любители. Все необходимо пропускать через себя, через свой опыт. А у нас впереди было несколько месяцев сборов, и за это время можно было не только детально ознакомиться с положением дел в команде, но и что-то предпринять. В результате, когда Мутко произнес лишь половину своей очередной пламенной речи, я уже сгреб мысли в кучку – буду ждать очной встречи с командой и первых недель работы с ней.

В гостиницу на набережной я вернулся почти полностью в бессознательном состоянии. По дороге Юра и Иван еще завезли меня в большой магазин в центре города, который назывался Гостиный двор, где я себе купил большую сумку для бумаг. Помню, что на улице уже было темно, стоял мороз, но в двери магазина я еле протиснулся – столько было людей. Да уж,

это не мой маленький уютный Либерец, который за 15 минут можно пересечь на машине. Счастье еще, что пожалуй, это был первый и последний раз, когда во время покупок меня никто не узнал и никто не подошел за автографом.

Дома я сразу же свалился и уснул. Во сне, почему-то, видел себя со стороны, играющего в футбол...

* * *

На следующий день знакомство с клубной структурой должно было продолжиться. На счастье, не с раннего утра. Иван должен был приехать ко мне в отель в районе 12 часов, и, по рекомендации Гусакова, нам предстояло совершить прогулку до какой-то старой и очень красивой церкви. Воздухом подышать, город посмотреть. Почему бы и нет – на улице вовсю светило солнце, настроение было приподнятым и мы, не долго думая, вместе с Боровичкой вышли из гостиницы.

Однако уже спустя пару минут мы сильно пожалели, что предприняли свою вылазку. Понятно, что у жителей Петербурга представление о расстояниях несколько иные, нежели у нас, чехов. На вопрос, как далеко придется идти, Иван беззаботно махнул рукой: «Да это рядом!». Для меня «рядом» – это две минуты. Но спустя эти две минуты, что мы топали по 10-градусному морозу в довольно легкой одежде, наш юный друг как ни в чем ни бывало оптимистично добавил, что шагать осталось «всего» минут 10. Возразить я уже не мог – от дикого холода онемели губы. Видя, что мы с Борой уже вряд ли готовы продолжить знакомство с памятниками архитектуры, Иван предусмотрительно предложил повернуть обратно. Надо ли говорить, что спорить мы не стали?

Очередной рабочий день, который начался столь экстремальным образом, снова прошел в бесконечных разговорах. Уже смутно помню, сколько именно в тот день состоялось бесед. Одно запало в память хорошо – именно тогда я окончательно осознал, что более интересного с точки зрения профессионала клуба чем «Зенит» в моей карьере, пожалуй, еще не было.

Огромная армия болельщиков, целый город, который думает о футболе круглый год. 10 тысяч на трибунах при самой ужасной игре, которую показывал «Зенит» на протяжении второй половины 2002-го года. Прекрасная база с тренировочными полями и несколько футбольных школ, которые, по идее, должны непрерывно подпитывать основной состав игроками. Тогда я еще не догадывался обо всех хитросплетениях и специфике футбола в Петербурге, чувствовал, что в руки мне достался серьезный механизм, управлять которым почетно и интересно. Кроме того, страшно хотелось доказать коллегам в Чехии, что Россия – вовсе не жуткая страна, населенная лишь красноармейцами и алкоголиками. Что условия для жизни и работы здесь не хуже, если не лучше, чем в Чехии, где футбол погряз в стяжательствах, коррупции, черной зависти и прочей грязи. Тогда все предостережения относительно того, что меня ждет не менее трудный путь в России, казались мне второстепенными. Все-таки великая вещь – энтузиазм!

Поначалу, впрочем, получалось так, что опровергать чешских скептиков мне было не чем. Дело в том, что я хотел как можно скорее переехать в собственный дом, который мне был обещан. Признаю, что мы, чехи, люди весьма оседлые, очень привязаны к своему дому и каждый раз, когда его покидаем испытываем серьезное чувство дискомфорта. Поэтому я хотел именно отдельный дом, как здесь, в России говорится, «коттедж», а не квартиру, пусть даже и самую большую и комфортную. Так что еще пришлось тратить немало времени на разъезды по всему городу и просмотр квартир и домов. А это дополнительные часы в пробках, что даже в уютном володином микроавтобусе порядком выматывало. Развлекали разве что разговоры с Иваном, чей поначалу смешной чешский язык немало меня забавлял. Можно сказать, пока я учил русский, он совершенствовал свой чешский, который для человека, никогда серьезно не учившего язык, знал весьма прилично. И все равно некоторые его перлы заставляли меня

подчас валяться от смеха. Особенно, когда он начинал схватывать на лету незнакомые ему чешские ругательства и пытаться их применять в разговоре.

В результате долгих и утомительных разъездов я остановил свой выбор на коттеджном городке на самой окраине города. Не все мне понравилось с первого раза – кругом велось строительство, было много пыли и грязи – но главное все-таки получил: три этажа жилплощади с отдельными комнатами и белой спальней. Именно белой, как я хотел, такой, как была у меня дома, в Либерце! Хозяин, сдававший жилье в аренду, пообещал, что приведет все в божеский вид в максимально короткие сроки, и что чуть ли не завтра я могу справить новоселье. Этого момента я ждал с нетерпением, в отличие от того же Боря. Он согласился пожить в гостинице рядом с базой и повременить с жильем, поскольку в отличие от меня хотел квартиру ближе к историческому центру города. У него традиционно было немного вещей, тогда как платяной шкаф в моем гостиничном номере уже не выдерживал. Вещи, привезенные из Чехии, мялись и выглядели с каждым днем все ужаснее. Так долго продолжаться не могло, и потому, когда Володя вез меня с вещами в новый дом, все во мне пело. Наконец-то я смогу хоть как-то расслабиться...

Не тут-то было!

Работать с Властимилом, если делать акцент именно на первом слове, означало серьезно заморочиться. Особенно, если на дворе стоит нереальный для декабря мороз, у тебя, недавнего студента, еще нет автомобиля, а пахать приходится по невообразимому графику – в шесть утра подъем и вперед, через весь город, на метро и маршрутках в самый удаленный уголок Петербурга. Я и не знал раньше, что есть такая улица-Глухарская. Полагаю, был не один такой. О ее существовании наверняка не знали даже многие жители ближайших новых домов, жилых небоскребов. Занесенная снегом автобусная остановка, протоптанная тропинка в конце которой виднелась череда тех самых, нужных коттеджей, и сразу же начинался лес, казавшийся зимой чахлым и безнадежным.

Это сейчас некоторые очень горячие, но не до конца компетентные молодые люди, составляющие аппарат футбольного клуба «Зенит», утверждают, что раньше клуб был некоей кормушкой, приблизиться к которой означало не только набить карманы деньгами, но и неимоверно возвеличить себя в глазах всего Петербурга. Принято же у нас, питерцев, шутить – у нас город маленький, все друг друга знают. Некомпетентность «нового поколения», которое разглашает «золотые тайны» клуба середины 90-х начала 2000-х, на самом деле заключается не во врожденной тупости, а в слишком юном возрасте и стремлении выдать желаемое за действительное. Откуда такое стремление берется, мы долго рассуждать не станем. Тот, кто умеет читать между строк, еще не раз найдет в дальнейшем тексте яркие примеры из жизни российской административной футбольной действительности.

Так вот на самом деле работать в «Зените» разного рода мелким служащим (если такими, к примеру, называть пресс-атташе клуба) приходилось если не за бесплатно, то уж во всяком случае не за домик в швейцарской деревне. Клуб Европейского Уровня, как «Зенит» времен Виталия Мутко начали со стебом называть в Интернете болельщики, жил Энтузиазмом своих сотрудников, типично питерской фанатичностью и верой в то, что когда-нибудь вернется на землю 1984-й год и настанет черед «Зенита» становиться чемпионом.

Впрочем, молодого человека, у которого на генетическом уровне в разное время проснулись любовь к футболу, а затем и всему чешскому, в тот момент не нужно было мотивировать. Для того, чтобы помочь тренеру «оттуда» поставить на ноги никогда особо не любимый, но все же близкий клуб не нужны были дополнительные стимулы. А потому не замечался ни мороз, ни хронический недосып, ни постоянное давление – вдруг что не так сделаешь, или переведешь. Критиков в Питере всегда хватало, выскочек в околоспортивной тусовке здесь отродясь не любили и с удовольствием смаковали их проколы.

Увлечение новыми обязанностями, однако, не должно было мешать основной, и, условно, весьма «высокооплачиваемой» работе в клубной газете «Наш Зенит», к которой в офисе было принято относиться с заметным пренебрежением. Типа, на балансе сидите, а кроме Виталия Леонтьевича вы никому не нужны. Мы, то бишь дамочки из бухгалтерии и менеджеры в пиджачках из отдела рекламы, вас читаем без особого удовольствия, так как и без того ваши рожи видим каждый день. Ну и ладно, спасибо, что хоть Мутко мы были зачем-то нужны. Потому, видимо, нас и продолжали «высоко» оплачивать.

Каждое воскресенье мне надлежало присутствовать на верстке газеты, ибо каждая рабочая единица была на счету. Новых, учитывая уже названные мной выше условия труда, не предвиделось – народ, надо понимать, боялся перетрудиться и не оправдать столь высокого доверия. И вот из-за этой маленькой кадровой проблемы я, корреспондент газеты, ну никак не мог сослаться на то, что сегодня в свой новый дом въезжает Властимил и я, по идее, должен находиться рядом с ним. Чего там – вы же наверняка уже прочли о том, как проходили переговоры тренера с Рапопортом, Морозовым и прочими сотрудниками клуба. Несмотря на то, что впоследствии Мутко взволнованно заявил в ответ на мое ябедничество: «Я поговорю с Сашей!», гендиректор взял за правило при особо важных разговорах ласково делать мне ручкой – выйди, попей чайку. Я наливался злостью, Властимил недоумевал, но игра шла вовсе не по нашим правилам.

Итак, где-то ближе к вечеру я воодушевленно вычитывал очередной текст очередного фрилансера (говоря же, люди у нас работали лишь ради собственного удовольствия), как вдруг мобильный буквально рывкнул передо мной на столе. Словно предвещал что-то недоброе...

Разумеется, на том конце провода был Властимил. Его голос срывался, клокотал от смеси гнева, растерянности и испуга:

– Иван, послушай! Тут такое!!

– Властимил, прежде чем меня напугать скажите – вы, наконец, дома?

– Дома?! Черта с два я дома! Я приехал в этот барак (на будущее – не стоит пугаться: барак по-чешски означает отдельный дом. Так что никакой чумы, холеры и прочих болезней – прим. авт.), хозяин, болтун невысказанный, долго мне рассказывал, что все приберет, уберет, привезет. Я со всем своим скарбом – ну, ты знаешь, сколько у меня всего было – приехал. Захожу и падаю – такого бардака я в жизни своей не видел. Однажды над моим домом в Либерце уже поработали украинские рабочие. Так я их чуть не убил – все заставил переделывать. А сейчас даже не знаю, кого застрелить! Везде все грязное, захлавленное, пыль кругом строительная, спальня моя, белая, еще сохнет, в ней воняет краской, не войти. Единственное место, где можно жить, маленькая детская комната наверху, под крышей. Ну прямо как Карлсон, честное слово! И всего одно теплое одеяло. Слушай, я не знаю, что мне делать, сейчас с ума сойду...

У Властимила до его последних дней в «Зените» оставалось неизменным одно выдающееся качество – своим настроением он заряжал всех вокруг себя. Если Петржела был весел и бодр, тебе хотелось в одиночку бросаться на штурм Измаила и во весь голос распевать любую ерунду, вроде «веселый ветер». Но когда тренер впадал в черную меланхолию, грудь сдавливало предощущение вселенской катастрофы, неотвратимости чего-то плохого. Может, конечно, это я такой впечатлительный...

На этот раз я впервые столкнулся с властимиловской паникой. Текст, мерцавший на мониторе, стерся в памяти еще до того, как я, спустя пять минут, покинул обычную городскую квартиру в спальном районе города, где по выходным проходила верстка газеты, нужной лишь Виталию Леонтьевичу. На секундочку, было уже 9 вечера, а тащиться предстояло через весь город. Но что такое расстояние, дубак и общественный транспорт, когда сознание рисует леденящую кровь картину: Властимил, словно отшельник, сидит, закутавшись в единственное

одеяло у 16-ваттовой лампочки, окруженный стенами детской каморки под крышей, и что-то записывает в ежедневник.

Послезвонка в знакомую дверь на Глухарской «чуть-чуть» не раздалось. Спустя минуты три послышались тяжелые, как у статуи командора, шаги. Шаги человека, раздавленного российским бытом. И мне, окоченевшему в ожидании и вконец вымотанному, все это показалось безумно романтичным. Властимил, однако, было далек от лирического настроения. Правда, уже и не источал черную энергию – за те полтора часа, что я ехал, видимо, уже выпустил пар. С видом работника морга, помогающего опознать тело, он провел мне экскурсию по разгромленному дому и, честно говоря, не впечатлил. Обычный дом после переезда. Нам с вами, привыкшим мотаться за город на дачу, где по углам раскидана всякая рухлядь а деревянный сортир торчит где-то во дворе, весь этот властимиловский «бордел» (учите чешский еще одно словечко, «беспорядок»)показался бы раем земным. Но...

Перила лестницы, ведущей на третий этаж, оказались пыльными. Как, собственно, и ступени. В ванной комнате (точнее в двух из них) под дверцей душевой кабины оказались ржавые подтеки, заметить которые можно было лишь встав на четвереньки. Упомянутая каморка под крышей и впрямь выглядела аскетично. С гадливым выражением лица тренер «Зенита» извлек откуда-то из шкафа наволочки с бурыми пятнами.

– Тут либо кого-то замочили, либо их вытащили из задницы, – резюмировал Властимил, и я с гордостью подумал, что поему подопечному никак нельзя отказать в образности мышления.

Учитывая то, что спутниковую тарелку Властимилу еще не установили фактически к нулю сводилась функция телевизора в холле, что еще определенное время нервировало тренера. Но это потом, а напоследок Петржела выместил злость на круглом коврике, лежавшем посередине гостиной.

– Мне пылесборников не надо, если хочешь, забери его себе!

Так в 11 вечера мы справили новоселье. Властимил еще какое-то время бранился и причитал, но все же мы приняли решение отложить уборку на завтра. В конце концов, близился новый день с ранним подъемом и бегом до позднего вечера.

Параллельно с решением бытовых проблем не стоило забывать также и о работе. Ее, понятно, с каждым днем становилось не меньше, а наоборот. Разве что график стал более упорядоченный – наконец-то наступило 20 декабря, мои игроки вышли из отпуска и я, наконец, смог сосредоточиться на своей основной деятельности. Правда, для начала пришлось выдерживать еще немало длительных, но вполне любопытных процедур. Для начала пресс-служба «Зенита» соорудила безумного масштаба конференцию для журналистов, на которой я окончательно понял, что попал в специфический, повернутый на футболе и своем единственном клубе город. Помню, я тогда нервничал – перед тем, как предстать перед журналистами, понятное дело, снова пришлось ехать в офис клуба. Меня поначалу донельзя удивляло то обстоятельство, почему штаб-квартира «Зенита» находится не на стадионе, а совершенно в другом месте. Чтобы попасть в офис нужно было запастись терпением и газетами в микроавтобусе, потому что питерские пробки могли довести кого угодно. Правда, пожалуй, кроме моего водителя Володи – он так легко объезжал все препятствия, что, казалось, ведет не шкафчик-мерседес, а велосипед. Его выносливость, умение терпеть и переносить трудности с неизменным «да ничего, бывает и похлеще» поражали и восхищали. Иногда я, привыкший ездить на маленькие расстояния в Либерце и гонять по скоростному автобану из дому в Прагу и обратно, терял всякое представление о том, что же еще может быть «похлеще». А когда я узнал сколько он получает за свою работу денег – представьте себе, целыми днями мотаться по битком набитому машинами городу и выполнять разные поручения – то и вовсе посчитал Володю героем и истинным носителем русского характера. Если бы в Чехии кто и работал за 400 долларов в месяц, то изнылся бы так, что при всем сочувствии уши бы завяли сразу. У нас в стране принято

жаловаться на жизнь. Среднестатистические русские люди стараются во всем находить положительные моменты, несмотря на то, что жизнь их обделила. Особенно это касается представителей старшего поколения, во всяком случае тех дедушек на базе, с которыми мне довелось общаться на протяжении трех с половиной лет. Они мне и сейчас, кстати, передают приветы. Сколько им там платили? По 5000 рублей? На мой взгляд, на эти деньги невозможно просуществовать и три дня, а они тянут месяц и при этом улыбаются тебе, справляются о здоровье, не завидуют. Притом у всех подорванное здоровье, кто-то периодически ложился в больницу. Видели бы вы, как в Чехии плюются и перемывают кости тем, кто выбился в люди! Впрочем, позже поговорим и о других особенностях русского характера, и далеко не в радужных тонах.

Так вот перед той пресс-конференцией я страшно нервничал. Потому что на самом деле 5-минутная дорога от офиса (чего-то я там опять подписывал) заняла 40 минут, меня уже ждали, а на грязной от размокшего снега улице не было места для парковки. Эвакуироваться из микроавтобуса пришлось почти на ходу, Володя тут же уехал куда-то за угол. Да уж, где еще такое увидишь... Добавлю для полноты ощущений, что спрыгивать пришлось куда-то в грязь и без того нервное настроение усугубилось навязчивой идеей, что я наверняка запачкал костюм...

От вспышек фотокамер в огромном зале можно было ослепнуть. Пожалуй, не покривлю душой, если скажу, что большего скопления народа на пресс-конференциях с моим участием в моей жизни не было. Там уже ждал Мутко, который сел рядом со мной.

Вопросы мне задавали по-русски, и по идее их должен был переводить Иван. Однако, меня подстегивало отчаянное желание как можно скорее проверить себя на знание русского и, честно говоря, я старался понимать все сам и сразу отвечать. Подталкивал меня к активному изучению языка и Мутко, который постоянно твердил о необходимости как можно скорее «заговорить». Пару раз возникала путаница в вопросах и ответах, но об этом мне рассказали уже потом. Отвечая на самые разнообразные вопросы, я старался сделать выводы о журналистах, с которыми предстоит общаться в течение определенного времени. Какого именно я тогда, конечно, не знал.

Первоначальные выводы оказались наиболее верными и впоследствии неоднократно подтверждались на практике. Спортивные журналисты в Петербурге достаточно своеобразны. В большинстве своем, как я уже рассказывал, они не очень здорово разбираются в футболе, и не особо хорошо его знают, по сравнению с чешскими журналистами. Но эти ребята, за некоторым исключением, в целом более благожелательные, я сказал бы, человечные, чем их чешские коллеги. Всегда улыбаются, держатся с подчеркнутым уважением, желают удачи. Они попросту менее желчные. Даже те, с которыми у меня была война (или ее видимость – я даже теперь не могу сказать, что по-настоящему ссорился с кем-то из русских журналистов) рано или поздно смирились со мной. А я, соответственно, с ними. Проблемы? Они, разумеется, были. Когда я ехал в Россию, то не знал многих вещей, не подозревал какие конкретно нюансы ожидают меня.

В частности, сложно было предсказать тот момент, что Петербург – очень консервативный город, а с точки зрения футбольной жизни просто-таки болезненно консервативный. Здесь с подозрением относятся ко всем чужакам, даже к приезжим из других российских городов. Чего уж там говорить об иностранце, который-де приехал пить кровь местных тренеров, есть их хлеб, отнимать возможные рабочие места. Естественно, я подозревал, что с распростертыми объятиями меня встречать не будут. Но представить себе истинные масштабы разрушения чужой психики произойдут после моего появления в Петербурге, понятное дело, не мог. Вспоминаю это потому, что некоторые вопросы журналистов были явно каверзными. Один тип, фамилию которого называть не стану, но коего придется поминать довольно часто, сразу же по окончании официальной части подлетел ко мне и как-то жутко ослабившись спросил, когда я в итоге выучу русский язык. Мол, президент-то утверждал, что я говорю бегло. Понимаю, что язвительная подоплека вопроса адресовалась скорее всего не мне, а Виталию, кото-

рый что-то там раньше говорил прессе, тем не менее, я сразу понял, что от этого товарища ничего приятного ждать не придется. При этом, задавая дополнительные вопросы, парень как-то неприятно ехидно улыбался, чем порядком выводил из себя. Но за долгие годы работы я научил себя одному правилу – приветствуй каждого человека с улыбкой, даже если он не вызывает у тебя восторга. Особенно, если ты в этот момент идешь в гору. Иначе когда будешь падать, никто не подаст тебе руки.

Меня поначалу донельзя удивляло это умение Властимила быть для всех хорошим. Он улыбался своей ставшей впоследствии за три года фирменной улыбкой доброго дядечки из Голливуда абсолютно каждому встречному, даже находясь в крайней степени раздражения. Более того – с врагами он имел обыкновение здороваться с невероятным радушием, за которым, впрочем, легко угадывалась концентрированная ирония. В смеси с «петржелским» русским языком эффект был потрясающим: «А-а, привет-привет, ты бандит. Что ты там про меня написал дураковин?». После чего, если не спешил, принимался обстоятельно объяснять подвернувшемуся журналисту суть «дураковин». Надо же было словечко придумать! Весь Питер его едва ли не за два дня после появления на свет выучил! Позвольте, кстати, объяснить его происхождение. Вообще любимым ругательством Петржелы на веки веков осталось невинное в общем-то русское слово «дурак»; вполне себе литературное и по сравнению с теми речевыми загогулинами, что повсюду пользуются отечественные тренеры, вовсе не обидное. В чешском языке для обозначения понятий, вроде «ерунда», «бред» или, если брать просторечия, «фигня» существуют слова: «volovina» или «kravina». Оба происходят от «коровы» (в первом случае даже от «вола»), то есть то, что этим называют – ничего не стоит, ноль. Властимил, постоянно держа в уме то, что русский и чешский языки в чем-то похожи, попросту скрестил два слова – к русскому «дураку» приставил чешское окончание «-ovina» и изобрел таким образом величайшее тренерское словечко в истории российского футбола. Поскольку Власта повсюду пользовался им и на пресс-конференциях, делая замечания отдельным журналистам за их творчество, количество коллег, которых Петржела «метил» «дураковинами» росло, что они сами воспринимали даже не без определенной гордости.

Любопытно, что русский мат Властимил так и не освоил, хотя, два-три «слова-столпа» выучил практически сразу. Другое дело, что отложил в сознании где-то далеко-далеко. Знаменитое словно из трех букв не казалось ему выразительным (еще бы! Выучить все возможные конструкции с ним иностранцу невозможно хотя бы потому, что он себе не представит, как такое с различными, так скажем, частями организма можно творить), а что касается прочих, то они были вполне созвучны чешским эквивалентам и их можно было употреблять, не озадачиваясь вопросом, как это будет по-русски.

В потоке всяких рутинных дел я, конечно же, с огромным нетерпением ждал первой встречи с командой. Особенно потому, что слышать про свою новую команду мне за неделю пребывания в Петербурге пришлось очень много чего. И про его лидеров, Кержакова и Аршавина, которые, якобы и раньше не отличавшиеся покладистым характером, окончательно развились в сезоне 2002-го года. И про старых футболистов, которые установили внутри коллектива свои порядки, согласно которым молодые футболисты должны были ходить едва ли не на цыпочках. И про Радимова, которого уже вышеупомянутый мной бородатый журналист назвал, задавая мне вопрос, скандалистом и дебоширом, да и комментарии остальных относительно нового приобретения команды отличались уклончивостью. Кого ни спроси, все начинали загадочно улыбаться, пожимать плечами, разводив руками и выдавливали из себя лишь то, что этот «монстр» Радимов очень странный и недисциплинированный. Что же касается Мутко, то он меня тогда, зимой 2002-го, только успокаивал. Дескать, все будет отлично, Радимов вернулся в свой город и за него уже только за это готов быть тише воды и ниже травы, а на поле порвать всех и вся.

Признаюсь, по первым ощущениям у меня не было такой уверенности. Но в том и заключается отличие футбольных тренеров от всех остальных, кто наблюдает за игрой со стороны, что в нашей профессии необходимо терпеть ждать, присматриваться, вникать в нюансы и рубить с плеча лишь в той ситуации, когда никаких других вариантов не остается. Впервые игру Радимова я видел на видеокассете, когда «Зенит» в последнем туре чемпионата 2002-го года, буквально за неделю до моего приезда в Петербург принимал на своем поле «Крылья Советов». Я еще поразился тогда, как в таких ужасающих погодных условиях, да еще и при том, что «Зенит» уже твердо провалил сезон, на трибунах собралось около 10 тысяч зрителей. Так вот Радимов тогда приехал в Питер в составе самарской команды и назвать его действия выдающимся я не мог. Общий фон матча был каким-то разгильдяйским, обе команды мыслями были в отпуске и не получали ни малейшего удовольствия от футбола на раскисшей поляне, под проливным дождем. Соответственно, и действия Радимова мне понравиться не могли. Только потом, увидев его на первой тренировке, я понял, что имею дело с мастеровитым игроком, которого можно использовать во благо команды. Правда, тогда я еще не мог знать, как сильно мне поможет Влад через каких-то полгода...

Хоть президент и рассчитывал, что я буду работать именно с теми игроками, которые имелись у «Зенита» в наличии, все-таки пара-тройка приобретений мне с самого начала потребовалась. Прежде всего мне хотелось изменить систему игры питерской команды. Меня совершенно не забавлял тот футбол, который я видел на видеокассетах, даже образца «бронзового», 2001-го года.

Физически та команда была готова прекрасно, подрастали молодые амбициозные игроки, но схема с тремя центральными защитниками, двое из которых, «персональщики», вынуждены целых 90 минут бегать за вверенными ими нападающими, словно хвосты, а третий «подчищает» за ними, мне не нравилась. Для меня все 90-е годы существовал в футболе один эталон – «Манчестер Юнайтед» сэра Алекса Фергюсона, чью игру даже футболом назвать нельзя было. То, что показывали англичане было чем-то космическим, неземным. Неудивительно, что за счет такого симбиоза эффективности и зрелищности «МЮ» стал одним из немногих выгодных футбольных проектов. Если бы моя команда когда-нибудь играла в ТАКОЙ футбол!

Когда президент «Зенита», совершенно убитый тренерскими экспериментами 2002 года, окончательно разочаровался в утопической мечте о доморощенном тренере, он попросил давно знакомого агента Константина Сарсанию найти человека, который первое: умел бы работать с молодежью. Второе: не гнулся бы под авторитетом опытных игроков, и способным «закрутить гайки» в разболтавшейся команде. Третьим условием, подозреваю, была нераскрученность и неизвестность тренера широкой общественности. Так удобнее для любого босса, склонного, как мы уже говорили, к авторитаризму и абсолютизму. «Гайки» в Чехии Петржела умел закручивать, как никто другой.

Страшилки там о нем ходили разные, причем некоторые из них были довольно-таки правдивыми. Игрокам доставалось по первое число, некоторые из них ненавидели Петржелу, другие испытывали искреннюю благодарность за то, что он сделал из них футболистов. Слово «сделал» здесь подходит, как нельзя кстати. Ведь и в умении разглядеть талант в ничем на первый взгляд не примечательном игроке Властимилю на родине не было равных. Работая в «Богемиянс» он часто практиковал выезды на так называемые матчи «окресов», где играли без преувеличения деревенские команды. Тем не менее, «Богемка» регулярно пополняла состав футболистами именно из таких клубов, которых, зрелых и состоявшихся, выгодно продавала той же самой «Спарте». Один пример Лукаша Гартига чего стоит, когда он за несколько лет проделал путь от слесаря до кандидата в национальную сборную. У нас в Петербурге какое-то время было принято над этим нападающим посмеиваться. Но тогда, в 2001 году в Чехии никому смешно не было.

Конечно, нелепо было бы требовать от Виталия Мутко глубоких познаний в чешском футболе, как и от любого другого россиянина. Имя Петржелы, безусловно, было ему неизвестно и большой его ошибкой в первую очередь в отношении себя стало то, что Виталий Леонтьевич приравнял понятие «нераскрученный» к понятиям «послушный и управляемый». Сарсания же достаточно умен и хорошо знал президента «Зенита» для того, чтобы о таких вещах в момент разговора с Мутко не распространяться, точно также, как и впоследствии его партнеры с чешской стороны – Павел Зика и Виктор Коларж.

Суть в том, что Петржела имел славу грозы президентов, генеральных менеджеров и прочих «надстоящих». По этой причине руководитель чешской сборной Властимил Коштыл категорически не захотел его видеть на посту национальной сборной, когда та осталась без тренера накануне отборочного цикла Евро-2004. Объяснение босса тет-а-тет с Петржелой было уникальным: «Извини, мне не нужны постоянные скандалы в прессе».

Петржела привык говорить все, что думает и не стеснялся критиковать тех, кого считал нужным. Но именно этого Мутко и не знал. Рискну предположить, что в российском чемпионате такое себе даже представить было невозможно и даже порядком забытый пример Арсена Найденова не слишком уместен для сравнения с Петржелой. Когда одиозный тренер «жемчужины» цвел и пах в нашем футболе, российская высшая лига смутно напоминала профессиональное соревнование. Поначалу мы с Петржелой общались лишь по телефону. Впечатление диктатора или самодура Властимил не производил. Он был вежлив, мягок, располагал к себе, а главное, любил долго сам расспрашивать о клубе, в котором ему предстоит работать. Причем делал он это с такими своеобразными интонациями, как будто это не «страшный» тренер, а пенсионер, интересующийся условиями проживания в доме отдыха.

Жизнь быстро доказала обманчивость этого впечатления. Впервые металлические нотки зазвучали в голосе «пенсионера», когда речь пошла о приобретении чешской троицы – Мартина Горака, Радека Ширла и Павла Мареша. Властимил сразу же, как только ознакомился с составом вверенной ему команды, стал настаивать об этом усилении, да вот только понимание у Мутко нашел не сразу. В принципе, руководители клубов иногда должны немного «поломаться», прежде чем выполнить ту или иную просьбу тренера, особенно когда речь идет о приобретении игроков. Это чтобы повысить уровень ответственности наставника за покупаемого игрока (в России это особенно актуально), и заодно обозначить, кто именно в доме хозяин. Но в данном случае сразу начали пробиваться ростки той проблемы, которая в итоге и столкнула в «Зените» президента и главного тренера. Виталий Леонтьевич часто прибегал в своей управленческой практике к общению по двойным стандартам. А поскольку он изначально ошибся, оценивая внешне покладистого и деликатного Власту, то и здесь пошел обычным путем. Тренер слышал: «Ты – абсолютный хозяин, можешь делать все, что ты хочешь». А на деле. На деле первая проблема возникла уже с Марешем. Президент попросил передать Властимилю (сам он разговаривал с ним только тогда, когда считал что-то совсем уж конфиденциальным), чтобы тот прислал в клуб что-то вроде заявления о том, что он, главный тренер, просит руководство клуба приобрести Ширла и Горака. Когда я набрал Петржелу, ответом на вполне обыденную фразу сначала было напряженное молчание.

– А Мареш? – наконец прорвало Властимила – Мне говорили, что возьмут всех, кого я захочу. Нужен Мареш! Без него ничего посылать и подписывать не буду. Объясните президенту, что. И снова пошел набор витиеватых примиряющих фраз, суть которых, впрочем, была неизменной – нужен Мареш, и все тут.

– Знаешь что?! Пошли его на. Он что здесь, диаспору чешскую развести решил?! – Мутко, когда я сообщил ему о позиции Петржелы, от возмущения не мог найти слов. Виталий Леонтьевич не привык, когда ему не подчинялись (впрочем, лебезящих перед ним людей он тоже не любил, но в глубине души). – Или у нас команда плохая? Эти люди, между про-

чим, выиграли серебряные медали! Он ведь еще и с командой-то не познакомился, чтобы так настойчиво просить купить этих.

Фейерверк президенту был необходим хотя бы ради имиджа, но, как человек умный, он прекрасно понимал бесполезность спора на старте отношений с Петржелой, и вопрос так или иначе был решен. Однако благодаря этому примеру стало ясно, что предупреждения чешских коллег имели под собой почву. В Петербург ехал никакой не курортник. Появился хозяин, которому, впрочем, только предстояло заявить о своих правах.

Как я уже говорил, когда я собирался в Россию, то имел довольно смутное о ней представление. Прежде всего в воспоминаниях остались, к сожалению негативные моменты, связанные с печально известными всему миру событиями 1968 года, когда Советские войска орудовали на нашей территории и, кажется, на веки вечные, до конца тех поколений заработали себе ярлык оккупантов. Так считает большинство старых людей в Чехии и по сей день. Я и сам помню то время, которое начисто поменяло сознание нашего народа. Сказать однозначно – все русские негодяи, потому что нас оккупировали я не мог, хотя ранее утро, когда я, подросток, проснулся дома, и мать дрожащим голосом сообщила о том, что по улицам ходят русские, вряд ли когда-нибудь забуду. Выглянул – точно, солдаты. Было неприятно, хотя бы потому что неожиданно и непривычно.

С тем временем останется много неприятных воспоминаний, это объективно стоит признать. Нет ничего приятного в том, что в твой дом, в крепость, где ты должен чувствовать себя в безопасности, кто-то вторгается без приглашения. Случались и страшные вещи, когда гибли люди. Русские вводили комендантский час, на улицах в определенные часы появляться было нельзя. Выходили трагические недоразумения, ведь солдаты имели право открывать огонь. Были жертвы, все об этом знали. И это было ненормально. Мягко говоря.

Русские солдаты были разными людьми. Самое главное – они были солдатами, которых послали непонятно куда и непонятно зачем. Они несли службу, развлекаясь при этом, в меру возможностей, способностей и склада характера. Распространенным делом было перевернуть в противоположные стороны таблички с указателями населенных пунктов. Уж не знаю, что в этом русские находили забавного. Лично у меня, впрочем, был лишь один негативный опыт общения с солдатами. Да и то считаю, что я легко отделался. Я ехал на велосипеде в соседний город, проезжал мимо поста. И тут один придурок, улыбаясь, наставил на меня автомат. Так, шутки ради. Те тридцать секунд, что я проезжал мимо, показались вечностью. Кто его знает, что у человека в голове. Выстрелит шалости ради – и привет! Пойдет под трибунал, не пойдет – мне то что уже до этого...

В остальном проблем с русскими у меня не возникало. В целом это были такие же люди, разве что выполняющие перед своим правительством какой-то странный долг. С кем-то даже можно было поговорить, кто-то сам был не рад, что оказался здесь. Но это были, повторяю, всего лишь мои ощущения. Таких как я в Чехословакии было целое море, и у каждого была своя жизненная история, быть может, куда более страшная и небезобидная, чем у 15-летнего Власты Петржелы.

Мои соотечественники, увы, с удовольствием воспринимают легенды о медведях, водке, морозе и землянках, в которых до сих пор живут русские люди. И объяснить им, что алкашей в России больше чем в Чехии лишь потому, что и территория несоизмеримо больше, а значит, и больше населения, а вместе с теми неразрешимых проблем на душу каждого не представляется возможным. А ведь я не понаслышке знаю, что такое алкоголизм и прозябание. Из-за этого я фактически разошелся со своим братом, у меня по сей день нет никакого желания с ним общаться, нравится это кому-то из читателей, или нет. Сейчас он просто существует и завидует мне, забывая, собственно о том, что именно я выбился в люди и помогал семье, матери... Ему все равно, скольких усилий мне стоило добиться первой солидной зарплаты в жизни, видит лишь то, что я – «богатенький», а ему плохо. Я в этом, значит, виноват.

И подобных примеров у нас полным полно. Я не устану повторять – русский народ действительно уникален. Да, морозы – это правда. В первый же год чуть не околел, пока команда бегала первые кроссы по оврагам в Удельной. Водка – тоже правда. В ситуации, когда у англичанина, немца или чеха сгорел дом они сядут и будут тяжело размышлять о самоубийстве, параллельно охая и ахая, переводя потери в деньги. Русский шарахнет бутылку водки, уйдет в забытие и на следующий день обязательно найдет новый стимул для жизни. Ну, как минимум найдет его в следующей бутылке, и в любом случае, будет находиться в полной гармонии с самим собой. Не знаю уж почему, но такой подход мне как-то импонирует больше. Ненавижу, когда жалуются и стонут по пустякам. Если уж ты отстроил дом, то осилишь и другой, не так ли?

В Чехии моим коньком, да и частью репутации тоже, считалось умение работать над психологией игроков. По большому счету, далеко не все чешские футболисты отличались фанатичной преданностью футболу и многих приходилось наставлять на путь истинный. Даже, помню, удивлялся, когда узнал, что в России представление о наших игроках такое, что чуть ли не роботами, готовыми выполнять любую работу, их считают.

Многие футболисты, из которых, казалось, невозможно было вылепить более или менее адекватную личность во всех смыслах, были впоследствии мне благодарны. И моя уверенность в том, что в России мне не придется тратить на воспитание людей, выстраивать новую систему отношений по кирпичикам, едва не подвела меня. Перестраиваться на реальность, сами понимаете, всегда тяжело. Хоть в России я был до своего приезда в «Зенит» совсем давно и особо не был просвещен о том, что русские за люди, мне оставалось судить о них только по доступным телепрограммам, некоторым книгам и историческим фактом. И так, я считал, что русские – закаленные, целеустремленные люди, готовые вопреки всем преградам идти к своей цели, что в спорте означает – к победе. Почему так считал? Потому что Советский Союз победил в войне. Потому что советские хоккеисты выигрывали на протяжении многих десятилетий у всех подряд и их боялись все без исключения сборные мира. Для нас, для чехов, хоккей-мерило весьма серьезное. Русские выигрывали. Делали это не от случая к случаю, а постоянно. Для нас, для чехов крайне важна и показательна стабильность, в чем бы ни стало.

И что же я, собственно, увидел? Довольно быстро я пришел в состояние шока. Причем шок оказался каким-то странным, он меня охватывал не внезапно, как положено, а постепенно, словно рассеивалась пелена тумана. Внушительная, «решающая» часть игроков тренировалась медленно, с ленцой, без надрыва, без понимания и веры в то, для чего они делают все эти движения, которые явно доставляют дискомфорт. По глазам было заметно, что футбол, то занятие, которому они посвятили жизнь и которое приносит им очень даже хорошие деньги, их не радует, не развлекает! Смесь возмущения, недоумения, непонимания и даже в какой-то момент легкой безысходности привела меня в состояние стресса, а что это значит для меня и моего здоровья (то же самое можно сказать о любом другом тренере), вы поймете позже.

* * *

Частично докопаться до истины мне удалось в первый день знакомства с командой. Я хотел познакомиться со всеми футболистами по отдельности. Некоторые из тех ребят, что прибыли из отпуска 20-го декабря, были отданы «Зенитом» в аренду другим клубам, и именно мне предстояло в течение определенного и не слишком длинного периода решить их судьбы. Прежде всего я хотел говорить с каждым из ребят о футболе, но практически все давали мне понять, что страшно устали от игры, от ужасов прошлого сезона, когда команда, начав падение летом, так и не остановилась до самой глубокой осени. Где вы, чудо-богатыри?! Кто передо мной? Молодые ребята, которые не верят в то, что можно упиваться собственным адреналином от осознания того, что вынуждают соперника паниковать и отбиваться? Что можно, забив

гол, натянуть на голову футболку, бежать к обожающим тебя трибунам и принимать в себя их энергию? Как же такое может быть?!

Признаюсь честно: я испугался. Что я имею: нечеткие представления о возможностях команды, полный разброд внутри коллектива, огромную армию болельщиков, которая боготворит «Зенит» и ждет от нового тренера чудес, а вместе с тем в виде «легкого» гарнира, мороз, бытовые неурядицы, непривычная обстановка и все прочее. И тогда впервые в голову залезла гнусная, предательская, малодушная мысль – сяду завтра в самолет и домой! Прежде чем меня осудить, вспомните, появлялись ли в ваших головах при перспективе решения какой-либо архисложной задачи подобные идейки. Вот почему я не боюсь сейчас сказать – да, мне было не по себе. Главное же, в конце концов, не мысли, а то, остался ты на поле боя, или нет...

Окончательно мозги мне прочистила Зузана, с которой я разговаривал вечерами напролет. Ведь мы никогда раньше надолго не расставались, и ситуация была непривычна как для нее, так и для меня. «Что-то ты рановато обделался, – заявила она мне со свойственной прямоотой во время очередного сеанса связи, совпавшего с моими тяжелыми размышлениями и о том, как поднять дух начисто разлаженной команде. – ты должен не думать о такой ерунде, работать и доказать всем, что ты можешь все». Тогда я усмехнулся, но словесная инъекция, и главным образом, слово «обделался» сделали свое дело. Я успокоился.

Первоначальное знакомство с командой не всегда позволяет обо всех сделать верные выводы. Например, поначалу меня здорово напрягал игрок по фамилии Спивак. Это был возрастной футболист, как сказали мне в клубе, страдающий от отсутствия лидера. Не командного даже, а лидера именно для самого себя. Как я уже упоминал, «Зенит» за год до моего прихода продал в «Сатурн» Александра Горшкова, с которым Спивак подружился с первого же сезона своего пребывания в Петербурге. Молодежь, как мне объяснили, Спивак не очень любил, а она, естественно, платила ему той же монетой. Саша остался один и все свои переживания оставлял в себе. Вот только все эти подробности и нюансы я узнал потом. А поначалу отказывался понимать, почему это футболист так неохотно тренируется, да еще и смотрит на меня так, как будто я заставляю его мыть пол в сортире! Метко тогда выразился Владя Боровичка: «Смотрит, как...». Ну, в общем, нашел ассистент слово, схожее с теми, которые вы хорошо знаете по-русски.

Я Спиваку и сказал, как думал: «Саша, если ты будешь так работать, так лучше вообще на базу не приезжай. Найди себе клуб, где ты не станешь так мучиться...». Мы долго принарамливались друг к другу, но в конце концов я понял сущность Саши. Он очень ранимо воспринимал критику в свой адрес. Не злился даже, а просто опускал руки, становился какой-то скомканный, несчастный. То же самое было, если я его менял до истечения основного времени матча. Он мне говорил даже: «Тренер, если не верите в меня в каком-то случае, лучше вообще не выпускайте, только, не меняйте, если можно». Раньше в Чехии, где я имел моральное право проявлять свой авторитарный характер, я вряд ли смог бы пойти на подобные уступки. Да и не услышал бы ни от кого подобной фразы. Здесь же пришлось вести себя совершенно иначе, то есть делать уступки игроку. В итоге Спивак, которого мне советовали (не стану говорить кто) убрать из команды сразу же, как я пришел, стабильно отыграл у меня все три с половиной года.

День первого собеседования с игроками забыть невозможно. Во-первых, он наступил сразу же после неудачного переезда Властимила в «уютный» дом, во-вторых, сам по себе получился весьма насыщенным на события. Или это не событие-первая встреча чешского тренера с русскими игроками в истории современного российского футбола? Все мероприятие напоминало прием у врача. Загорается над дверью лампочка, входит «следующий». Я находился рядом с Властимилом, но вступать в бой приходилось совсем не часто. Петржела гнул свою линию – старался максимально много говорить по-русски и сам понимать говорящих. Игроки выглядели заинтересованными. За дверью кабинета Властимила периодически слышалась какая-то речь и относительно сдержанное хихиканье – «Зенит» был довольно-таки смешливой коман-

дой, причем это стало наблюдаться лишь во второй половине сезона-2002, когда клуб оставил Юрий Морозов, при котором особо было не посмеяться.

Каждый входивший словно чуть-чуть пригибал голову и во время разговора, который не длился больше 5 минут, пристально сверлил глазами Петржелу. Почему именно он? Почему именно этот чех должен, по словам президента навести порядок в коллективе, который забыл вкус побед с лета? Почему именно его мы должны во всем слушаться? Петржела сидел в кресле с довольно-таки безоружным видом, но в том, что перед игроками – босс не было никаких сомнений. Честно говоря, я сгорал от нетерпения, когда же наконец появятся Кержаков и Аршавин. Об этой парочке в том году заговорили в полный голос. Весной оба попали в поле зрения тренера сборной Олега Романцева, а Кержаков даже поехал на чемпионат мира в Японию. Оттуда он вернулся в статусе «надежды российского футбола». Голевую передачу Сычеву в проигранном бельгийцам последнем матче группового турнира пресса назвала шагом из мрака в будущее, намекая на то, что именно Сычеву и Кержакову предстоит в ближайшее время возвращать славу российскому футболу. Керж появился в «Зените» в 2001-м году. Не стану долго и подробно описывать, как доверял ему место в составе Юрий Морозов, несмотря на то, что молодому форварду долго не удавалось забить гол; как радовался Саша, когда этот первый мяч все-таки забил, причем не кому-нибудь, а «Спартаку»; как к концу «бронзового» сезона уже сбросил с себя юниорское алиби и стал заявлять о себе, как о возможном лидере нападения; как, в конце концов, забил «бронзовый» мяч «Ротору». Имеет смысл остановиться на эволюции Александра и той его испостаси, с которой предстояло иметь дело Властимилу, только что возглавившему клуб.

В народе есть расхожее и ошибочное, кстати, мнение, что журналисты оценивают характер игроков по одному-единственному критерию: дает он интервью, или нет. Это вовсе не так, во всяком случае, если говорить о представителях прессы, постоянно отслеживающих футбол, анализирующих происходящее, причем не из-за стремления показаться «самыми умными» (это уже заблуждение самих футболистов) а из-за увлеченности видом спорта №1, каковым футбол для настоящих «маньяков» является безо всяких «но» и «если». С другой стороны, малая, «потайная» доля правды в вышеуказанном утверждении имеется. У журналистов, как правило, нет лучшей возможности составить психологический портрет футболиста, кроме как сделать с ним интервью. Или даже не сделать – то есть, получить отказ и проанализировать то, как ты, собственно, был «послан». Исключением являются лишь случаи, когда журналист сблизается с футболистом, узнает его глубже и имеет возможность получить подтверждение или опровержение таким догадкам. Правда, возможность дружбы с футболистом, как правило, дорогого стоит. Проще говоря, ты перестаешь воспринимать человека объективно, а поскольку игроки – народ ранимый, десять раз еще будешь думать, прежде чем объективно представить доброго приятеля.

Так вот в 2001-м году Саша Кержаков был довольно-таки простецким мальчиком, который с удовольствием общался с вами после матча просто так, но ни в какую не хотел разговаривать «под диктофон». Говорил, стесняется, или просто не хочет. Вполне себе детский все оправдывающий ответ, учитывая то, что если уж в целом профессиональное общение с прессой в России (и в «Зените» в частности) не было поставлено вообще, то что можно требовать от парня, который еще совсем недавно мотался на электричке из Кингисеппа в Петербург на тренировки, и даже представить себе не мог, что совсем скоро он окажется в объективе внимания всей страны. Поди, перестройся.

Следовало ожидать, что чемпионат мира 2002 года оставит отпечаток на характере молодого человека, оказавшемуся, в общем-то, предоставленным самому себе. Кержаков стал чуть более вальяжным, стал гораздо меньше улыбаться, избирательно здороваться. В конце концов, мне довелось испытать все эти дела и на собственном опыте. Едва вернувшись из Японии, Керж забил три гола в Элисте «Уралану» и спас таким образом «Зенит» от поражения. На

обратном пути в самолете волей-неволей пришлось поднять себя за волосы и идти уламывать Сашу на хотя бы короткий комментарий. Процесс переговоров получился намного более длинным, чем планировавшееся интервью, ибо Керж сначала просто говорил «потом» без дополнительных объяснений. Самолет сел в Волгограде на дозаправку, форвард отмахнулся и на летном поле. И только, когда «тушка» уже взяла курс на Питер удалось-таки сломать Кержа напором. Ему, со скучающим видом сидевшему у иллюминатора, пришлось объяснить, что мне, вообще-то, все эти уговоры не доставляют ровным счетом никакого удовольствия, а вот болельщикам «Зенита» было бы до смерти обидно не прочитать после такой феерии ни одной буквы, сказанной автором хет-трика. После этого Кержаков что-то наговорил мне в диктофон. С момента первой попытки поговорить прошло около двух часов. Поймите, подобные моменты не являются в журналистской работе чем-то сверхъестественным. Напротив, они абсолютно нормальны, я бы даже сказал, повседневны. И рассказал я о том эпизоде лишь для того, чтобы, быть может, лучше понять психологию тех, кто для вас выходит на поле, с кем предстоит работать тому или иному тренеру, или даже любому другому члену административного штаба футбольной команды.

Футбольная команда – совершенно особенный мир, который можно даже сравнить с вакуумом. Проникнуть в него полностью – невозможно, а в «Зените» это чувствовалось особенно остро. Тебя постоянно исподволь изучают, оценивают и первый вердикт, как правило, отрицательный. Жизнь футбольной команды – сложный симбиоз, отдаленно напоминающий и армию, и театральную труппу, и обычный офис, где все друг друга знают, но никто ни кого особо не любит, однако при этом все работают для достижения фирмой какой-то одной цели. Футболист всегда едет по каким-то видимым лишь ему одному рельсам, и сходит с них лишь в том случае, когда видит в этом крайнюю необходимость. Например, объехать досаждающего журналиста. Можно сделать это по-разному. Лучший вариант – вспомнить, что интервью является частью профессии, то есть, отмахнуться, поговорив с корреспондентом. Худший – просто отмахнуться, бросив что-нибудь вроде «не хочу». Рискну предположить, исходя из долгих наблюдений за жизнью «Зенита» в течение трех с половиной лет, что примерно по той же схеме футболисты решают и прочие вопросы, за исключением личной жизни, в которую лично мне кажется влезать неприличным, да и неинтересным делом. Общение с администратором, врачом, тренером – оно все, как правило, натянутое и осторожное. Игрок чувствует себя «белой костью» на биологическом уровне, и этому не приходится удивляться, если учесть, какую однажды занимательную фразу бросил в своем кабинете тогдашний спортивный директор клуба, а ныне заместитель генерального директора подмосковного «Сатурна» Борис Рапопорт. Борис Завельевич, всегда слышавший любителем поговорить во время рабочего дня с прочими сотрудниками зенитовского офиса (благо находились любители послушать), во время очередного спича выдал примерно следующее: «Футболисты у нас – высшая каста. И мы все должны работать на них. Главное – это команда, мы уже люди второстепенные». Вот такое напутствие! Что уж удивляться снобизму, холодности и недоверчивости к кому бы то ни было большинства игроков. Речь, увы, прежде всего идет именно о российском контингенте зенитовцев, что полностью отражает направление в котором их воспитывали в описываемый период. В дальнейшем читатель еще не раз столкнется с примерами того, о чем здесь говорится.

Итак, я сидел и ждал появления Кержакова в предвкушении столкновения характеров. Наконец, я сразу понял, что сейчас войдет именно Саша – раздался один небрежный дежурный удар в дверь, отчего-то получился он очень уж громким. Следом как-то нарочито раскованно ввалился Керж, коротко кивнул и сел напротив тренера. Петржела деланно вытаращил глаза и, словно случайно, бросил в воздух по-чешски: «Кто это, как баран?!». И потом, после паузы и громко: «А-а, я знаю! Ты – Аршавин!». На сто процентов уверен, что Петржела сделал это специально – мол, спутал я вас, ребята. Это для Петербурга вы узнаваемые звезды, а для меня, человека из Европы, где о «Зените» не особо бывает слышно, между вами пока что

нет никакой разницы. Поэтому, надо сбить спесь, слушать меня, и работать... Психологический шаг подействовал безотказно. Кержаков был тише воды, слушал вопросы, отвечал. Хотя, конечно, сомнений в том, что он продолжит «сканировать» нового неизвестного ему тренера непременно. Да что там! Саша еще, по большому счету, еще этого делать даже не начинал.

Работа работой, но я ни на секунду не забывал, что дома, мягко скажем, меня никто не ждет, кроме Его Величества Беспорядка и одиночества в каморке на третьем этаже. Днем всегда бывали перерывы на обед и легкий отдых. Обедать нас возили в ресторан неподалеку от базы. Кормили неплохо, но в целом однообразно, а мне такой стиль питания не по душе. Тем более, когда совсем нет аппетита от осознания себя полубездомным.

В тот день мы с Иваном на обед плюнули, потому что устремили усилия на поиски хоть какой-нибудь доброй бабушки, которая согласилась бы за неплохие деньги убраться в моем доме. Честно говоря, мне тогда казалось, что этим должен был бы заняться клуб, но мне постоянно объясняли, выпросить что-то непредусмотренное у руководства было довольно-таки сложно. Так уж почему-то всегда получалось в «Зените» – на зарплату футболистам денег жалеть было не принято, базу реконструировали весьма принципиально, а вот по мелочи клуб коробчил с каким-то маниакальным наслаждением. Мне, честно говоря, было все равно – для меня нанять уборщицу было делом не сложным и недорогостоящим. Другое дело – где эту благодетельницу взять?!

Первая идея, которая пришла в голову – конечно же, на базе! Где, как не на родной базе, где все, как говорил Виталий, в моем полном распоряжении. Примерно после полудня Иван ускакал на поиски уборщицы и, наконец, появился с радостным известием – нашлась добрая душа, которая, в общем-то, может отлучиться на три часа, но лучше, конечно, чтобы ее вовремя вернули обратно – боится гнева директора.

Директор был странный человек. Больше всего он был похож на отставного военного. Очень браво ходил, не разговаривал, а кричал так, что слышно его было в противоположной части здания, от него резко пахло одеколоном, а кроме всего он частенько баловался алкоголем. Не знаю, всем ли сообщил Виталий ту же вещь что и мне – что я полный хозяин на базе, главный человек – но до директора эта «передачка» явно не дошла (впоследствии я начал выявлять, что не только до него одного). Едва он прознал, уж не знаю каким образом, что мы нанимали Его уборщицу, как устроил нам выволочку.

Об этом, впрочем, позже. Через 15 минут после того, как Иван принес благую весть о том, что я, наконец-то, смогу перестать дышать пылью, спать черт знает на чем и без содрогания заходить в ванную, бабушка умилительно влезала с двумя ведрами и шваброй в наш микроавтобус. Скоро мы оказались у меня дома, и женщина принялась за работу со столь оптимистичным прогнозом – сделаю все часика за два – что мне оставалось лишний раз восхититься русским простым народом. Тем временем, мы могли съездить по магазинам и прикупить всякого добра для дома – щеток, тряпок, подушек, одеял. Я катался по району, который совсем скоро станет для меня родным, и удивлялся. Удивлялся многим вещам. Например, очередям на автобусных остановках. Я сначала не поверил, когда мне сказали, что это люди ждут маршрутного такси. Начнем с того, что я вообще не знал, что это такое. Удивлялся магазинам-коробкам, которые кучковались у метро и где можно было купить все что угодно – от детских игрушек, до пирожков; от часов (якобы швейцарских) до так нужных мне теплых одеял. Удивлялся, как люди, работающие в этих магазинах-коробках месяцами, не имеющие возможности покинуть этот крохотный пятачок даже для того, чтобы прогуляться по неприглядной территории, прилегающей к метро по слякоти или морозу, сохраняли способность улыбаться мне, помогать выбирать вещи, благодарить за покупку, а если вдруг узнавали (поначалу это случалось еще на так часто, как потом, когда даже улицу от магазина до магазина было спокойно не перейти), то желали удачи. Как будто все эти женщины так отчаянно переживали за «Зенит».

Исключением, впрочем, стал один эпизод в супермаркете. Набрав продуктов, я по привычке начал набирать на кассе полиэтиленовые пакеты, после чего погрузил в них покупки и приготовился идти. Не тут-то было! Кассирша меня остановила грозным криком, кажется «мужчина, вы куда?!». Оказывается, за пакеты нужно было заплатить какие-то ничтожные монеты, что стало для меня настоящим откровением – ни с чем подобным я в своей жизни не сталкивался. Судорожно я начал копаться в кошельке, но ни одной железной монеты не нашел. Предложил даме сто рублей, на что она, не сбавляя в воинственности (еще бы, вора поймала!) резко бросила: «У меня нет сдачи!». Я махнул рукой и пошел прочь, но Иван, у которого были какие-то монеты, отдал мне сторублевку обратно, а продавщице принес извинения (я разволновался так, что онемел) – мол, человек не местный, не знает, что пакеты платные. Женщину не убедило ничто – провожала она нас уничтожающим взглядом.

* * *

Мы вернулись домой, как и планировалось, часа через два. На улице было довольно пасмурно, и поэтому я удивился, что не увидел света в своих окнах. Может, старушка поработала и уснула?

Я отпер дверь и вошел в темный холл. Детектив какой-то, честное слово! Увиденное буквально шокировало меня. На ступеньках, в крошечной тьме сидела женщина, поставив с одной стороны ведро, а с другой держа швабру, как Нептун трезубец. Бабушка почти дремала. Увидев нас, она встала и начала подробно рассказывать, что и как она сделала. Я не выдержал и спросил ее, почему она не пошла прилечь в нормальное место, в холл, например. В ответ уборщица что-то пролепетала невнятное, насчет того, что она «боялась чего-то». Чего именно, я не расслышал, но догадка неприятно поразила меня. Социальное неравенство в России даже не позволяет старому человеку, честно сделавшему свою работу, войти в комнату к богатому человеку и расположиться в нем. Он то ли считает это выше своего достоинства, то ли боится «как бы чего не вышло». Значит, бывает так, что хозяева таких домов ни во что не ставят тех, кто у них работает? Не буду отвечать за всех чехов, но когда украинские рабочие делали ремонт в фитнес-центре моей жены Зузаны, та носила им еду, питье, обращалась с ними как с помощниками, людьми, которые делают что-то хорошее. Так как же может быть такое, что старушка-уборщица боится войти в мой холл и прилечь на диван!

Все эти мысли не давали мне покоя целый день, а поначалу я просто впал в оцепенение. Старушка показала результаты своей работы, едва ли не насильно проведя по всем комнатам, где проводилась уборка. Наконец-то я хотя бы мог перестать дышать пылью. Впрочем, буквально несколько минут спустя меня ждало очередное потрясение. То, о чем я сейчас напишу, не укладывается в пределы человеческого понимания. Во всяком случае, того человеческого понимания, к которому я более или менее привык. Перед тем как выйти из дома и сесть в микроавтобус старушка открыла у меня перед носом свою сумку со словами: «Проверьте, что я у вас ничего не украла». Отдышавшись от эмоций я начал убеждать женщину, что я ей доверяю и делать этого ни за что не стану, но она долго еще не хотела закрывать сумку. Предел моему терпению наступил на следующий день, когда наш знакомый директор перед нашим отъездом на тренировку в фитнес-центр выскочил откуда ни возьмись и, как всегда громко, начал вычитывать Ивану за то, что тот без его ведома взял да увез уборщицу среди бела дня. Забыв видимо, что ездила его подчиненная не абы куда, а домой к главному тренеру. Которому, как будто, было сказано, что именно он является первым человеком на базе.

Это был еще один случай, когда представители местного населения без восторга встречали нового тренера из-за границы. Рушился их прежде спокойный мир, в котором, как мне рассказывали, на многие недоработки, разгильдяйство и легкое отношение к своей работе закрывали глаза. Директор захотел хоть в чем-то оставить за собой право последнего голоса,

но делал это беспорядочно, хаотично, руководствуясь лишь своими эмоциями, которые кричали «не трогай! Это мое!!». Что, собственно говоря, такого в том, что уборщица подотчетного клубу подразделения под названием «база» отправилась убирать дом главного тренера?! Впрочем, будь этот инцидент первым и единственным, я бы, наверное, уладил бы проблему мирным путем. Но я увидел в поведении директора некую систему, которую срочно нужно было «отключать». Ибо на первой же моей тренировке в Петербурге я вышел из себя по гораздо более значительному поводу...

После эпопеи с уборкой дома наши отношения с Властимилом стали переходить в разряд дружеских. Сразу же после того, как мы решили проблему расчистки «авгиевых конюшен», тренер предложил мне перейти на «ты». В Чехии такое возможно лишь с подачи старшего, причем неважно, составляет ли разница в возрасте двадцать лет, или один год. Привыкал я долго, но когда привык, то уже не смогу отвыкнуть никогда от более демократичного подхода в общении, принятого в Европе. Во всяком случае, «Семен Семенычи» и прочие наши обращения даются с превеликим трудом. В команде, кстати, к простому варианту привыкали легче: Властимил сразу поставил вопрос ребром: «Называйте меня «тренер», или, что еще лучше, по имени. Никаких отчеств у меня нет, и главное – не нужно называть меня «пан», корбит. У нас в Чехии чрезмерный официоз можно принять за сарказм, хотя многие представители старшего поколения любят, когда к ним обращаются «пан». Тем не менее, журналисты очень долго продолжали обращаться к Властимилю «пан Петржела», и он уже не заострял на этом внимания. Видимо, просто махнул рукой...

Зима, как я уже говорил, стояла серьезная. Прямо как в книжках и журналах, когда пишут о России. Утром 20-го, кажется, декабря был запланирован «генеральный смотр» команды на одном из полей базы – на первой тренировке я всего лишь хотел бросить команде мяч, чтобы она поиграла в футбол, и игроки продемонстрировали свое понимание футбола, лучшие и худшие навыки. Для этого необходимо было всего лишь расчистить единственное на тот момент поле с подогревом. Когда ребята вышли на площадку, то оказалось, что ее покрывает приличный слой снега вперемешку со льдом – более опасной поверхности для футболистов быть не может. Я сразу же начал закипать. Тут же перехватило дыхание от бешенства. Знакомое состояние, раньше был еще более эмоциональным и чешские футболисты, работавшие со мной, очень хорошо об этом знают.

Наблюдать со стороны за Властимилом в этот момент было жутковато. До выхода на тренировку он выглядел, скорее, забавно – с ворчанием одел на голову спортивную шапку, несмотря на то, что по его же словам ненавидел их. Мороз оказался сильнее предпочтений в стиле одежды – пришлось укутываться по самое некуда. По дороге к полю Власта был как всегда приветлив и улыбчив, здоровался с персоналом, старался шутить по-русски, что тоже было мило. Рядом балагурил Володя Боровичка. Общий настрой был жизнерадостным, все были раскованы. Но никто из сотрудников базы, убаюканный было невесть откуда хлынувшим в наши места потоком демократии, не оказался готов к тому, что за доли секунды от смешного дядечки в шапочке не останется и следа. Властимил в ярости ковырял носком кроссовки снег, выгребая из недр куски льда, толщиной с кулак.

– Почему не убрали?! Что это за поле?! – чеканил от слова по-русски, и акцент, прежде мягкий, добавлял ужаса тем, кто все это видел. Работой в «Зените», все-таки в Питере было принято дорожить. Глаза тренера стали металлическими, зрачки сузились, он резко развел руки в стороны и срывающимся от злости голосом резюмировал:

– Не можно работать! Я просил поле, а это – говно! (с мягким украинским «г» в начале и ударением на первый слог, как это милое словечко произносится в Чехии).

Кто-то из работников базы тихо послал за директором. Тот появился очень быстро и на нем, понятно, не было лица. Сбивчиво, но привычно громко, даже громче обычного от охватившей паники (ну как же так: казалось-то что после деспотичного Юрия Морозова при-

ехал «интеллигент» или попросту «валенок» из Чехии!) он начал объяснять, что-де поле было чистое, но в шесть утра повалил снег и все испортил!

– В шесть утра?! – взвился Властимил. – А сейчас сколько? Десять! Кто здесь был, когда было шесть утра? Сложно было сразу убрать снег?! Для чего вы здесь находитесь?!

Конечно же, это была демонстрация прав хозяина. Властимил прекрасно понял, за тот короткий период времени, что он уже находился в России, что через «извините» и «будьте» добры здесь вопросы, как правило, не решаются. А для того, чтобы футбольный клуб стал серьезной организацией, в нем безо всяких «но» и «если» должны функционировать все составляющие механизма. И если его, главного тренера, местные не станут признавать авторитетом, съедят за счет только одного количества. Одна палка в колесо, другая и... под откос летит чужак, но никак не те, кто их вставляет. Чужеземец уезжает, все остаются на местах с надеждой на спокойную жизнь. Схема проста.

Та тренировка все-таки состоялась. И она оставила у нас с Владимиром массу впечатлений. Для начала Боровичка, поразминая буквально 5 минут вратарей, с какой-то торжествующей улыбкой крикнул мне: «Власта, здесь ребят нужно учить стоять в воротах!». Ничего так новость, здорово. Что еще? Разминка. Чтобы посмотреть, как игроки привыкли готовить себя к нагрузкам, я велел команде разминаться так, как она привыкла. И тут выяснилось, что она не привыкла это делать никак! Так вот откуда многочисленные травмы, которые преследовали «Зенит» на протяжении всего сезона. Вот откуда диковинны повреждения коленей, чего по большому счету в футболе случаться не должно, это в принципе непрофильная травма. Услышав от работавших в клубе людей, что некоторые мои предшественники практиковали прыжковые упражнения до завтрака и практически без разминки, мне многое стало понятно. Пожалуй, я устал непрерывно вещать о том, что в первые дни работы на мою голову сыпались одни сюрпризы. Например, меня поразило то, врача команды, человека наиважнейшего, чье мнение зачастую бывает определяющим в определении состава, я нашел в запуганном состоянии. Как оказалось, прежние тренеры действовали авторитарно и в принципе не прислушивались к рекомендациям доктора, а то и посылали его куда подальше. Врач в «Зените» вообще не имел права голоса, беседы с игроками о том, как нужно готовить себя к играм не проводились. Если футболисты либо все подряд, либо им что-то определенное резко начинали запрещать. Все это было удивительно, на грани, и мне пришлось врача срочно амнистировать. Надо было видеть, как Михаил расцвел и приосанился, когда оказалось, что его работа все-таки состоит не только в том, чтобы вовремя выбежать на поле и сделать заморозку получившему по ноге игроку. Ладно, разминка прошла. Настало время игры. Глядя на то, как команда, разбившись на две группы, играет в футбол, я первым делом старался понять, кто же мне, собственно, достался. Кассеты, как я уже говорил, правды не сообщили. Президент и члены команды говорили прямо противоположные вещи. Морозов вообще в разговоре со мной «отсеял» полкоманды. Что же в итоге? Бодрые крики Боровички, который в своем стиле шутил и балагурил – привычная для меня вещь, но, как оказалось, абсолютно невероятная для наших новых подопечных – перемешивались в голове с мыслями. Кое-что мне, безусловно, нравилось. По сути, в первый раз я имел дело со столь большой группой мастеровитых футболистов, большинство из которых не надо учить бить по мячу, ставить на ноги, чем мне постоянно приходилось заниматься в Чехии с прежними командами. Игроки легко обращались с мячом даже в непростых погодных условиях, иногда эффектно отдавали передачи, пристойно били по воротам. Но тем удивительнее было то, что почти все они не получали ни малейшего удовольствия от футбола, словно юридически косились на нас с Владей, ожидая подвоха. Какого? Спросите у них, может, они еще сами помнят свои ощущения. Что у них в голове, у молодых людей? Тогда в Питер, например, вернулись двое ребят из аренды – нападающие Акимов и Петухов, отданные в первую лигу. Первый был в плане азарта еще туда-сюда, хотя бегать и работать категорически не хотел, но

второй... Бледный, робкий мальчик, который, как говорят, когда-то подавал надежды. Так как можно в таком раннем возрасте перестать их подавать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.